Международный научно-практический
междисциплинарный журнал

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

№ 1-2 январь - декабрь 2012 Том 12

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

Выходит 2 раза в год на русском языке
(отдельные выпуски на английском языке)

№ 1-2, 2012, январь - декабрь, Том 12

Главный редактор: *В.Е. Лепский* **(***Россия)*
E-mail: Lepsky@tm-net.ru

Члены редакционного совета:
С. Амплеби *(США)*, Ю.М.Батурин *(Россия)*, Б.И.Бирштейн *(Канада)*, А.Л.Журавлев *(Россия)*, В.П.Зинченко *(Россия)*, В.А.Лекторский *(Россия)*, В.А.Лефевр *(США)*, В.Ф.Петренко *(Россия)*, Д.А.Поспелов *(Россия)*, В.В.Рубцов *(Россия)*, В.С.Степин *(Россия)*, А.А.Стрельцов *(Россия)*, Ю.П.Шанкин *(Россия)*, Щедровицкий П.Г. *(Россия)*

Члены редакционной коллегии:
Д.Адамс-Вебер *(Канада),* О.С.Анисимов *(Россия),* В.И.Аршинов *(Россия),* В.А.Бажанов *(Россия),* В.И.Боршевич *(Молдова),* О.И.Генисаретский *(Россия),* И.Е.Задорожнюк *(Россия),* Г.Г.Малинецкий *(Россия),* С.Ю.Малков *(Россия),* В.А.Петровский *(Россия),* А.Н.Поддьяков *(Россия),* В.Л.Рабинович *(Россия),* С.П.Расторгуев *(Россия),* В.М.Розин *(Россия),* И.Н. Семенов *(Россия),* Г.Л.Смолян *(Россия),* Т.Л.Томас *(США)*

Руководитель редакционно-издательской группы:
В.И.Белопольский *(Россия)*

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №77-7309 от 19 февраля 2001 г.

E-mail: Lepsky@tm-net.ru
http://www.reflexion.ru

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Учредители журнала
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН,
Владимир Лепский (Россия)

Издается с участием
Учреждения Российской академии наук Института философии РАН

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 4

ФИЛОСОФИЯ РЕФЛЕКСИИ ЛЕФЕВРА

Петровский В.А. 12 ОТВЕТОВ ЛЕФЕВРА (в диалоге с автором книги «Что такое одушевленность?»)…... 5

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ

Батурин Ю.М. Наука как рефлексивный ресурс власти……. 23

Лепский В.Е. Рефлексивные аспекты в эволюции представлений об управлении…….. 26

Коврига А.В. К теории развития: рефлексивный опыт А.А.Богданова…….. 55

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛИТЫ

Левинтов А.Е. Современная элита как структура, обеспечивающая рефлексивное управление ……. 60

Евстифеева Е.А., Подолько Е.О., Майкова Э.Ю., Филиппченкова С.И. Пути рекрутирования элиты: модель элитарности и образовательные практики……... 74

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Лефевр В.А. Короля играет свита: моделирование выбора, совершаемого диктатором……. 90

Тарасенко С.С. Обзор новейших результатов теории рефлексивных игр……... 93

ПСИХОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Семенов И.Н. Методологические проблемы и средства развития постнеклассической психологии рефлексии…… 97

НОВЫЕ КНИГИ

Лефевр В.А. Что такое одушевленность? - М.: Когито-Центр, 2013. – 125 с. …….. 101

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Этот номер журнала украшает блестящее интервью *В.А.Петровского* с *В.А.Лефевром*, которое было инициировано опубликованием новой книги Лефевра «Что такое одушевленность?». Широта и глубина поставленных вопросов позволили выйти далеко за контекст книги и фактически расширить понимание «философии рефлексии Лефевра».

Актуальна для России статья *Ю.М.Батурина*, в которой в контексте рефлексивных процессов дана критическая оценка действий «властной элиты» по развалу науки.

Проведенный анализ эволюции представлений об управлении позволил четко определить роль и место рефлексивной проблематики в совершенствовании процессов управления (*В.Е.Лепский*).

В статье *А.В.Ковриги* выделены основные аспекты влияния идей А.А.Богданова на рефлексивную проблематику.

В данном номере нашли также отражение последние разработки в математическом моделировании рефлексивных процессов (*В.А.Лефевр* и *С.С.Тарасенко*).

И.Н.Семенов предложил свое видение развития психологии рефлексии в контексте становления постнеклассической науки.

В связи с задержкой издания журнала, данный номер фактически содержит работы подготовленные в 2013 году.

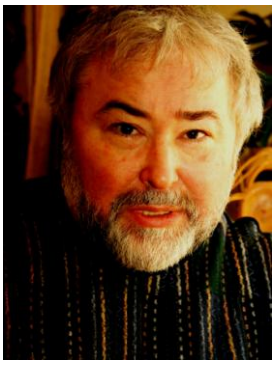
В электронном виде журнал представлен в свободном доступе в Интернете, количество скачиваемых электронных копий достигает 1000 в месяц. В печатном виде журнал издается небольшими тиражами до 250 экземпляров.

Тематическая направленность журнала в ближайшие годы будет в большей степени ориентирована на стратегические проблемы рефлексивного обеспечения процессов развития России и мирового сообщества.

В.Е.Лепский

12 ОТВЕТОВ ЛЕФЕВРА
(в диалоге с автором книги «Что такое одушевленность?»)[1]

В.А. Петровский



Калифорнийский университет,
г. Ирвайн, США

НИУ-ВШЭ, профессор

«Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом – звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Так писал Кант.

Создатель Рефлексивной теории, Владимир Александрович Лефевр, – один из немногих, кому дано проникать в святая святых двух миров, открывать в своих математических моделях глубокую общность макро- и микрокосма.

Все книги Лефевра – все! – событие в мире науки, мире культуры.

Вот передо мной – новая: «Что такое одушевленность?»…

Книга заключает в себе вопрос… В чем состоит ответ?

В.А.Лефевр. Я несколько смущен Вашим явным преувеличением моих успехов. Но перехожу к делу. Сначала я расскажу об общем замысле этой работы. Представим себе, что мы задаем физику вопрос “Что такое ускорение?” Его ответ скорее всего будет таким: “Ускорение это тангенс угла между касательной к графику скорости и горизонтальной осью системы координат.” Обратите внимание на то, что физик не пытается чувственно представить себе ускоряющееся движение. У него есть абстрактная модель движения и, отвечая на вопрос, он адресует нас к этой модели. Представим себе теперь, что мы

[1] Данная интервью впервые было опубликовано в журнале Высшей школы экономики «Психология». Повторная публикация проводится по согласованию с главным редактором данного журнала.

спрашиваем психолога “Что такое чувство вины?” (После Вашего вступительного слова оно у меня обострилось.) Психолог скажет примерно следующее: “Это негативное переживание своего поступка.” По-существу такой ответ всего лишь семантическая развертка вопроса, который мы задали. Это уточнение вопроса, а не ответ на него. В отличие от физика, у психолога нет теоретической модели явления, о котором его спрашивают. Именно такая ситуация в психологии послужила для меня стимулом попытаться создать теоретическую модель субъекта, в которой были бы объективизированы феномены, протекающие в его психике.

Начал я с построения моделей с человечками. Субъект - это человечек; его неосознанный образ себя - человечек, нарисованный в голове первого человечка. Осознанный образ себя - третий человечек, который помещается в голову второго; т.е. осознание - это внутреннее видение себя, видящим себя.

Следующим шагом я заменил картинки с человечками алгебраическими формулами. Осознанию при этом стали соответствовать математические операторы. Затем у переменных, входящих в формулы, появились значения, интерпретируемые как интенсивности переживаний. Теперь на вопрос, что такое чувство вины, я мог ответить: “Чувство вины это значение переменной A_2”. При этом я мог ответить на вопросы о связи величины A_2 с формальными аналогами других субъективных явлений. Эта модель позволяла говорить о феноменах внутреннего мира субъекта, однако у нее не было предсказательной силы.

Далее я попытался связать построенную модель с поведением человека. Такая связь была установлена в рамках биполярного выбора. В книге подробно описывается, как строилась эта расширенная модель и как она верифицировалась.

Затем у меня появилась мысль проверить, не является ли эта модель фундаментальной, т.е. попытаться найти ее связь с законами природы. И здесь началось самое интересное. Оказалось, что расширенная модель “вкладывается” в цепочку абстрактных тепловых машин, тем самым являясь перефразом двух первых законов термодинамики. При этом тепловая модель смогла решать задачи, недоступные аналитической модели. Остановлюсь на самой трудной из них.

Со времен Пифагора известно, что только некоторые музыкальные интервалы (отношения частот двух звуков) приятны человеческому уху. Был создан так называемый пифагорейский строй - последовательность благозвучных интервалов, по замыслу. Но оказалось, что интервалы были выбраны не столько по благозвучию, сколько по красоте их математического представления!

Попытки создания системы благозвучных интервалов продолжались в средние века и в новое время. В 1885 году Гельмгольц выделил четырнадцать гармоничных интервалов, но не было ни акустического, ни психологического объяснения, почему эти интервалы воспринимаются благозвучными.

Тепловая модель может быть рассмотрена как генератор математических дробей. Оказалось, что при некоторых очень естественных условиях модель порождает 18 дробей, из которых 14 совпадают с гармоническими интервалами Гельмгольца, а оставшиеся четыре совпадают с известными музыкальными консонансами. Таким образом не исключено, что тепловая модель субъекта решила древнюю общепсихологическую проблему, объяснив, какие именно интервалы являются благозвучными.

И тут возникает драматический вопрос: каков онтологический статус тепловой модели и какая реальность за ней лежит? В голове субъекта не идут физические процессы, описываемые цепочкой тепловых машин. Я пытаюсь ответить на этот вопрос, раздвинув онтологические границы реальности, возвращаясь к идеям Платона.

Итак, на вопрос, что такое одушевленность, Вы, Владимир Александрович, по счастью, отвечаете не дефиницией, а делом. Позвольте мне задать Вам несколько вопросов вдогон? Их у меня 12.

1. Что НЕ одушевлено? Вы предлагаете и опытно оцениваете критерии «одушевленности». Вы оспариваете идею Squirs (1990), что «у нас нет теста, способного показать, “одушевлен” ли данный объект, т.е. является ли он живым». Вы предлагает значительно более сильный критерий, чем известный критерий Тьюринга, в котором машинные ответы на одинаковые вопросы сравниваются с ответами человека.

Одна дама, психотерапевт, неосторожно призналась в своем кругу, что иногда ей на сеансах приходится, вместо себя, включать машину Тьюринга, общаясь с клиентом… Может быть, это и «душевная» женщина! Но вполне ли – одушевленная?..

Солнце, Земля, Черные дыры, Человек, Птицы, может быть даже Космос, в котором всё это существует – все это в Вашей теории Живое, Одушевленное, ничему из этого нельзя априори отказать в субъектности. В пределе всё может рассматриваться как цепочка тепловых машин или ее элементы. Но, по контрасту, что в Вашей теории не есть Субъект, не есть Орган субъекта, не есть Источник или Средство существования субъекта, – что-то выключенное или еще не включенное в систему обеспечения бытия субъектов, «нейтральное», непричастное? Есть ли такое? Или, на Ваш взгляд, вся Вселенная – в конечном счете «Субъект»? И тогда идея «расширяющейся Вселенной»

может приобрести новый смысл: «расширяющаяся до состояния тотальной субъектности»?

Итак, что в Универсуме не относится к категории «одушевленного» (если это так)? В конечном счете, это вопрос об аристотелевской энтелехии, – признаете ли Вы этот конструкт?

Поясню, Владимир Александрович, чем вызван вопрос. «Личность» для меня, как Вы знаете, есть «единомножие Я», «мультисубъектное образование» (в связи с таким пониманием, В.П.Зинченко приводит слова М.Пруста – «роистое “я”»). Впрочем, к единомножию нужно еще прийти. Оно возникает «не вдруг». Целостность должна осуществиться на основе тяготения друг к другу (а не тяготения друг другом) разных «я», представленных в микрокосме индивидуальности. И вот я думаю, нет ли здесь аналогии с «расширяющейся Вселенной» Лефевра по комплексированию, состыковке, «съединению» (отнюдь не «поеданию») друг друга Космическими субъектами?

В.А.Лефевр. В рамках моего рассмотрения одушевленность связывается с существованием точек неопределенности в функционировании физического тела. Эта неопределенность преодолевается эйдусом-навигатором, который выбирает из пучка возможных одну траекторию дальнейшей эволюции состояния тела. Система эйдус-тело является одушевленной по определению. Казалось бы, что тела с жесткой внутренней структурой, например кристалы, у которых строение не меняется, не должны иметь разветвляющихся траекторий своей эволюции, т.е. могут быть неодушевленными. Но этот аргумент не проходит, поскольку в телах есть тепловое движение молекул, которое порождает точки неопределенности. Итак, “теплые тела” должны считаться одушевленными. Давайте рассмотрим тела с температурой абсолютный ноль (-273^0С). У них нет теплового движения молекул, нет разветвляющихся траекторий эволюции состояний, нет навигатора. Они лишены одушевленности. Таким образом, одушевленность оказывается связанной с внутренней энергией тела.

2. Не будем умножать сущности? Правильно ли я понимаю, что, характеризуя «навигатор», Вы отнюдь не случайно опускаете такие слова, как «воля», «разум», «свобода», «Я» (все то, что мы относим к ипостасям Творца, о котором «молчок» - разумеется, из теоретических соображений!). Исторические аналогии: И.П.Павлов запрещает сотрудникам употреблять антропоморфные слова; И.М.Гельфандт, работая совместно с Н.А.Бернштейном, объявляет мораторий на использование математического аппарата (я слышал об этом от их сотрудника М.Б.Беркенблита). Вопрос: без этих слов можно обойтись

только *сейчас*, на данной ступени разработки модели, т.е. это временная отсрочка? Или – эти психологические реалии не представляют для Вас интереса вообще? Или, может быть, – всё уже «схвачено», всё уже *есть* в субъекте (и мы не станем тут поддразнивать Бритву Оккама?).

В.А.Лефевр. Я не отказываюсь употреблять “ипостаси Творца”, такие как воля, разум и т.д. Я только наделяю их дополнительным смыслом, когда говорю о человеке. Как я уже отметил, это позволяет связать друг с другом различные ментальные феномены, отношения между которыми трудно просматриваются на уровне естественного языка. Например, каждый психотерапевт знает, что у субъекта есть как осознанный образ себя, так и неосознанный. Психотерапевту также известно, что стимулируя субъекта осознать свои неосознанные переживания, во многих случаях удается смягчить его страдания. Почему это так, было неизвестно. В формальной модели субъекта присутствуют теоретические аналоги осознанного и неосознанного образов себя. Модель позволяет установить связь между ними и объяснить, при каких условиях акт осознания приводит к облегчению страдания. Так что при построении формальной модели ментального мира человека психологические реалии являются фундаментом рассмотрения. Подчеркну, что по отношению к животным такой подход не является очевидным. Я буду говорить об этом дальше.

3. Цель навигации? Метафора «эйдоса-навигатора» (я говорю пока именно о метафоре!) подразумевает навигацию, а она, в свою очередь, существование цели, ради которой навигация осуществляется. В конце своей книги Вы пишете: «Есть ли некая цель у эйдоса-навигатора, определяющая его выбор динамической траектории? Один возможный ответ таков: навигатор, порождая распределение вероятностей, стремится к росту числа точек, в которых возможно ветвление динамических траекторий, и увеличивает свои возможности детерминации поведения тела, не нарушая при этом законов природы». Мне кажется, здесь выражена важная перспектива разработки модели, но идет ли при этом речь о Цели? Ведь наличие цели подразумевает процессы сличения с целью, да еще и некую предварительную «запись» будущего (в случае творчества – сначала «возможного», а потом уже «потребного» будущего»); но, очевидно, процессы сличения – затратны, они связаны с потреблением энергии; а что касается «записи» долженствующего состояться будущего, то я пытаюсь найти (угадать) её место в модели, но никак не могу. Помогите!

В.А.Лефевр. Это очень трудный вопрос, и я не могу дать на него общего ответа. К эйдосу, видимо, неприменимо понятие обратной связи. Кроме того я не уверен, что понятие цели применимо к любому

одушевленному телу. Вспомним повесть Станислава Лема “Солярис”. По ней был создан великий фильм Андрея Тарковского. Сюжет таков. Люди открыли планету со странным “живым” океаном. В нем идут процессы, которые никак не удается объяснить. Этот океан способен проникать в души людей и материализовывать их мысли и воспоминания. Понять, зачем океан ведет себя так, обнаружить его цель - не удается. Исследователям не остается ничего иного, как дать чисто поведенческое описание функционирования океана.

С ситуацией, подобной Солярису, столкнулся и я. Только Солярис предстал передо мной в виде голубей и крыс. Я обнаружил, что графики выбора одной из двух альтернатив у животных похожи на графики биполярного выбора у человека. И мне пришло в головы, что у животных как и у человека происходит поляризация альтернатив - одна становится позитивным полюсом, а другая негативным. Такой подход в принципе противоречил общепринятому подходу. Большинство исследователей, проводивших эти эксперименты, полагало, что у животного есть цель: максимизировать количество подкреплений. Однако каждая конкретная гипотеза о механизме подкреплений опровергалась последующими экспериментами.

Я решил полностью отказаться от антропоморфной идеи, что у животных есть цель что-то оптимизировать. Вместе с Федерико Санабриа, молодым, но уже известным экспериментатором, мы разработали новый подход к этим экспериментам, основанный на модели биполярного выбора. Эта модель показала хорошее согласие с экспериментами. Здесь мне важно подчеркнуть, что казалось бы очевидное предположение о целевой активности животных необходимо было отбросить, чтобы двинуться дальше. Перевод нашей совместной статьи опубликован как приложение к книге.

4. Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Если от *метафоры* Навигатора перейти к построениям более строгим, то может быть поставлен вопрос о порождении, самом *генезе* условий «биполярного выбора». Модель биполярного выбора и ее развитие в модели идеальных тепловых машин позволяют прогнозировать вероятность выбора субъектом позитивного полюса. Вопрос в том, *кто* (или *что*) ведает «полюсами», ориентирующими биполярный выбор? То есть, каковы принципы поляризации как таковой («добро-зло», «красивое – некрасивое», «правильное – неправильное» и т.п.). И в этой связи, в силу каких причин, к примеру, распределение предпочтений оказывается двугорбым (я имею в виду глубоко интерпретируемые Вами загадочные данные эксперимента Поултона и Симмондса с оценкой светлоты: почему, всё-таки, для большей части испытуемых позитивным полюсом было «белое», а для меньшей – «черное»)?

Итак, существуют ли критерии предпочтений, позволяющие упорядочивать полюса?

В.А.Лефевр. Формальная модель сама по себе не позволяет ответить на вопрос, как происходит поляризация альтернатив. Это задача экспериментальной психологии. Кратко расскажу, что мне об этом известно. Биполярный выбор человека осуществляется в двух ситуациях. Во-первых при выборе действия, во-вторых при оценке объекта. Примером первой ситуации является выбор между альтернативами сказать правду - солгать. Пример второй - оценка фильма как хорошего или плохого. В первом случае критерий поляризации довольно прост: нормативное добро является индикатором позитивности полюса. Ситуация оценки оказывается сложнее. Сначала экспериментаторы полагали, что если в качестве оценки употребляются прилагательные, то положительное прилагательное будет соответствовать позитивному полюсу, а отрицательное - негативному. Однако Адамс-Веббер и Бенджафелд показали, что это не так. Рассмотрим, например, конструкт нежный-грубый. Казалось бы, что оценка “нежный” соответствует позитивному полюсу, а оценка “грубый” - негативному. Но в случае, когда объектом оценки является медведь, данный конструкт остается неориентированным. Если же мы оцениваем медведя с помощью конструкта сильный-слабый, то оценка “сильный” связана с позитивным полюсом, а оценка “слабый” - с негативным. Для того чтобы прилагательное, входящее в конструкт, стало позитивным полюсом, недостаточно, чтобы оно было положительным; необходимо еще, чтобы оно выражало качество, *типичное* для класса объектов, к которому принадлежит описываемый объект. Характеристика “нежный” не является типичной для всего класса медведей, поэтому она не может играть роль позитивного полюса. В отличие от нее, характеристика “сильный” является типичной для класса медведей, поэтому она может играть такую роль. В экспериментах с прилагательными можно сказать, что испытуемый “знает” ориентацию альтернатив. Но существуют эксперименты, в которых поляризация не осознается. Рассмотрим эксперимент, в котором испытуемый должен указать, какой из двух многоугольников более красив. (Я описал в книге подобные эксперименты.) Один из этих многоугольников предъявлялся испытуемому ранее с экспозицией в одну миллисекунду. При такой короткой экспозиции испытуемый не помнит свой предварительный опыт и, тем не менее, ранее показанный объект становится для него позитивным полюсом.

Камера Скиннера позволяет изучать биполярный выбор у голубей и крыс. Было проведено большое число экспериментов в камерах с двумя ключами, регулирующими подачу подкреплений с различной

щедростью. Рефлексивная модель вскрыла любопытный факт. Иногда позитивным полюсом является более бедная альтернатива, а более богатая играет роль негативного полюса. Понять этот парадоксальный результат помогло обращение к человеку: соединение добра и практической пользы оскверняет добро. Та альтернатива, которая связана с меньшим количеством пользы, более чиста, и именно она делается позитивным полюсом.

5. **Универсальный язык – «всеобщий эквивалент?».** Математический язык формул (сюда же относится и неметрическая геометрия Ваших ранних рефлексивных моделей, включающая «человечка») обладает продуктивной избыточностью. Этот язык абсолютно точен – в качестве ориентира интерпретации и прогнозирования эмпирических фактов. Вместе с тем – каркас и элементы этого языка дают возможность понимать друг друга представителям самых разных научных дисциплин и многообразных школ внутри каждой из них. Сужу как психолог.

Например, опираясь на символы и формулы, описывающие работу тепловых машин, Вам, по-существу, удалось «зацепить» множество феноменологических систем в описании сознания, построить *обобщенную онтология феноменальных миров*, используя минимум лексически средств.

Так, в сознании субъекта отчетливо разграничиваются три слоя: 1. *«Мир, каков он есть “сам по себе”* – «объективность», «физическая реальность» («онтическое» по Гуссерлю); это актуальные переживания, или переживания, открываемые post factum, категоризуемые субъектом как «внешний мир», «телесное Я», «что-то», существующее само по себе, независимо от меня – я думаю, «видимое также кем-то другим»). 2. *Образ мира* – здесь нет деления на «субъективное» и «объективное», это – предсознательный мир (по Фрейду), «мистический опыт» (по П.Флоренскому), «дорефлексивный мир» (по Сартру), «жизненный мир» (по Хайдеггеру); 3. Мир cogito - «мыслю» (включающий в себя, как подчеркивал М.К.Мамардашвили, «мыслю, что мыслю, что мыслю,… и т.д.»). Понятно, что «мыслю» - это также и «представляю», «чувствую», «стремлюсь» и т.п.

Вы сделали то, чего, по-моему, не сделал до Вас никто. Вы показали, как они отстаивают свою индивидуальность в эмпирических формах, а не только словесных изысках. «Работая» как теоретик с мирами 1, 2, 3, Вы прояснили различия и общность, присущие двум фундаментальным законам психофизики – Вебера-Фехнера и Стивенса. В основе предложенной Вами интерпретации – тонкое соотнесение выделенных Вами «миров»: закон Стивенса описывает ситуацию, в которой испытуемый оценивает непосредственную интенсивность стимула (мир

1), а закон Вебера-Фехнера – интенсивность осознаваемых переживаний, связанных со стимулами (мир 3). Но ведь это поразительно! – опираясь на термодинамические отношения (идеальная модель субъекта), разграничить феноменальные «слои» сознания (феноменология), в соответствие с эмпирическими процедурами, поставляющих сознанию тот или иной род переживаний (условия операционализации теоретических конструктов)!

Однажды Вы буквально сразили меня одним своим высказыванием. У нас был такой разговор:

Я (вежливо): «В своих разработках я исхожу из модели Лефевра и Берна, а также своих собственных исследований».

Вы (весьма директивно): «Не надо исходить из модели Лефевра и Берна! Есть реальность. Из нее-то и исходите!»

Теперь понимаю: в тот момент я был для Вас в «мире 3», а Вы призывали меня перейти в «мир 1»… Язык трех миров говорил в Вас.

Вы сделали всё, чтобы «ввести» в культуру этот будущий общий язык. Последующие поколения ученых увидят в нем универсальное средство общения. Может быть, мы в начале процесса овладения этим языком. Но тот же самый язык – это еще и строгий критик. Чем не всеобщий эквивалент «стоимости» построений, ведущихся нами наедине с собой, друг с другом внутри наших конфессий и парадигм. И вообще, долой профессиональную замкнутость! Всего несколько символов, ясные способы соотнесения! Слабо нам всем – выучить? Или, может быть, Хайдеггеру – да! А математике – нет?!

Владимир Александрович! Как чувствуете Вы себя в окружении коллег, лишь *частично* понимающих красоту Ваших построений, в которых математика – не орнамент здания, а несущая конструкция, не техника подтверждения гипотез, но самая суть дела? [1]

---

[1] К.Поппер, по-моему, щадил читателей, минимизируя в тексте число формул, и убеждая нас, что не так страшен черт, как его малюют. В работе “Что такое диалектика?”, он писал: “…Речь идет об одном из немногих не вполне тривиальных фактов элементарной логики; он заслуживает того, чтобы его знал и понимал каждый мыслящий человек. Его можно легко объяснить тем читателям, которые не испытывают неприязни к символам, похожим на математические; однако и те, кому такие символы не нравятся, без труда во всем разберутся, если только *им достанет терпения посвятить этому предмету несколько минут* (разрядка моя – В.П.) (Карл Поппер. Предположения и опровержения. / Москва, 2004, С. 523). По образному выражению одного из наиболее авторитетных моих учителей, при чтении часто пропускаются “струйки формул”; а психолог Р. (прекрасный экспериментатор!), как-то написал мне: “Где начинаются формулы, там кончается Р.” Но ведь моя математика (2 матшкола Москвы, с полвека назад), куда проще Вашей, мехматовской. Впрочем, есть всё-таки свет в конце тоннеля! Недавно я узнал, что школьники *6* класса общеобразовательной школы изучают материальную импликацию. Правда, на уровне «если…, то…».

В.А.Лефевр. Я хорошо понимаю Ваше огорчение, когда кто-то, читая Ваши работы, пропускает “струйки формул”; ведь в этих струйках отражена новая психология, которую с таким мастерством Вы развиваете. Есть психологи, которые гордятся своим незнанием математики. Им я хочу сказать лишь то, что современный интеллектуал не мыслим без знакомства с основами математики. Вас это может удивить, но охотнее всего мой подход приняли американские бихевиористы. Во-первых, они знают математику. Во-вторых, я думаю, их привлекла моя попытка проникнуть во внутренний мир живого существа, минуя путь словесных спекуляций. В-третьих, модель позволила предложить объяснение многих обнаруженных ими феноменов на основе одного принципа, который я назвал аксиомой повторного выбора. Смысл этой аксиомы состоит в том, что выбрав негативный полюс, субъект (лучше сказать - организм) еще до реализации выбора, с некоторой малой вероятностью повторяет свой выбор. Он как бы “сомневается” в своем предварительном выборе. Эта аксиома есть формулировка стратегии субъекта, которая позволяет выполнить требования эйдоса-навигатора.

6. **Математическое моделирование психологии или психологическое моделирование математики?** Обладая избыточностью – что, конечно же, благо! – математический язык содержит в себе вызов к исследователям – что еще большее благо! Согласитесь ли Вы со мной, Владимир Александрович, что некоторые символы рефлексивной теории многозначны и могут быть психологически по-разному определены, а иногда до-определены?

Я говорил Вам когда-то, в присутствии очаровательной собеседницы, назовем ее «Кавказской пленнице[1]», что проницательность автора рефлексивной теории заключается, в частности, в том, что его символика не жестко привязана к возможным интерпретациям. Например, знак материальной импликации « $\rightarrow$». Логики говорят, что он приблизительно соответствует конструкции «если…, то…». Подчеркиваю, «*приблизительно*»! Но в Вашей булевой модели готовности к биполярному выбору $A_1 = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$ (где A_1 – готовность субъекта к выбору позитивного полюса, где a_1 – давление среды, a_2 – образ давления среды, a_3 – интенция), стрелка, символизирующая материальную импликацию, не имеет ничего общего с «если…, то…». Но что означает стрелка, присутствующая в выражениях $\alpha \rightarrow \beta = \neg\alpha + \alpha \cdot \beta$ на разных ступенях импликации в булевой модели готовности? Может быть, это – отношение *реализуемости* стремления α с опорой на

[1] Для тех, кто не знает, познакомиться с ней можно в районе «Проспекта Мира» в Москве… Только, пожалуйста, встречайтесь с ней натощак…

внешние β и внутренние $(1-\alpha)$ ресурсы (ведь, очевидно, стремление α есть реакция субъекта на нехватку внутреннего ресурса $\neg\alpha$, а $\alpha \cdot \beta$ суть возможные новоприобретения опыта)? Или, например, выражение $X_1 = x_3 + (1-x_3)\cdot(1-x_2)\cdot x_1$. Исходная интерпретация X_1 – *готовность к выбору*. Но в определенном смысле это и субъективный эффект совершаемого выбора (например, как в Вашей книге, это, в частности, оценка стимула; может быть, также, это - благополучие, благоденствие, удовлетворенность собой, успешность, словом, обобщенно, - **состоятельность** устремлений). Если, к примеру, X_1 трактовать как *благополучие*, то в этом случае, x_3 может быть осмыслено как *благо*, а $(1-x_3)\cdot(1-x_2)\cdot x_1$ – как *благорасположение (грубовато – "блажь")*; и тогда, получаем: *благополучие = благо + блажь*.

Но не кажется ли Вам, что традиционный язык психологии (философии) лишь частично способен выразить суть происходящего. Можно ли "до донышка" интерпретировать Вашу математическую модель в терминах естественного языка? В терминах языка психологии? Философии? Хотелось бы, но возможно ли это? В связи с этим вопросом, мне вспоминается давний разговор с Вами на одной из конференций в Москве, где мы познакомились. По поводу одной из работ, Вы, может быть, в полусерьез, сказали: "Это – истинная поэзия в математике… Будущий язык поэзии – это язык формул". Помните?

В.А.Лефевр. Я согласен, что некоторые символы многозначны, однако эта многозначность не есть произвол. Часто она указывает на глубокую связь различных элементов внутреннего мира субъекта. Например, осознанный образ себя, образ себя, который есть у образа себя, и интенция обозначаются одним символом.

Рассмотрим выражение $A = (a \to b) \to c$. Символ A это субъект, связка $(a \to b)$ – неосознанный образ себя, a – образ себя у образа себя и, одновременно, и осознанный образ себя, и интенция.

В терминах естественного языка математическую модель интерпретировать невозможно именно в силу, как Вы заметили, ее избыточности.

Я хорошо помню, что как-то назвал Ваши работы поэзией. Я и сейчас так думаю. И конечно, традиционный язык психологии изменится на символико-математический. И в этом будет большая Ваша заслуга.

7. **«На растерзание – психологам?»** Создается впечатление, Владимир Александрович, что многие психологические проблемы, которые могли бы быть рассмотрены под углом зрения Вашей модели, оставлены Вами на усмотрение психологов. Назову несколько областей…

Психология установки (школа Д.Н. Узнадзе). К примеру, замечена разница в условиях появления контрастно и ассимилятивной иллюзий при изучении фиксированной установки. Когда в установочных опытах разница между объектами (шарами) велика, в критической серии (шары объективно равны), наблюдается контрастная иллюзия (на месте большего недооценивается величина предъявленного шара), в случае небольшой разницей между шарами – ассимилятивная иллюзия (недооценивается величина объекта на стороне меньшего). Почему? Может быть, модель биполярного выбора могла предложить ответ?

Психология мотивации. Отталкиваясь от Вашей модели готовности субъекта к биполярному выбору (правда, рассматривая ее в терминах трансактного анализа), я получил факты, частично опровергающие модель «принятия риска», предложенную Дж. Аткинсоном, но зато соответствующие фактам. Модель Аткинсона прогнозировала выбор уровня трудности задач (схема Ф.Хоппе, «уровень притязаний») в районе средних степеней трудности для испытуемых с доминированием надежды на успех, и – краевых значений (самые легкие и самые трудные задачи) у испытуемых с доминированием страха перед неудачей. Но оказалось, что выборы испытуемых, мотивированных успехом, приходятся на задачи повышенной трудности (в районе *0,6 – 0,7*). Именно это и предсказывала моя модель, которую я назвал «метаимпликативной моделью мотивации выбора» (В.А.Петровский, 2006). Согласно данной модели выбор смещен в сторону «золотого сечения» (*0,62*). Но это только один результат. Есть и другие, не менее интересные. Ваши ранние и последующие разработки – чрезвычайно плодотворны для психологии мотивации. Вам причитаются девидены!

Психология личности. Здесь интересно разобраться, почему в каждом из нас – не один субъект (одно «я»), а много. Анализ показывает, что не всегда, при данном уровне запросов и ресурсов, предоставляемых средой, удается быть *реалистом* (как в плане соответствия между уровнем интенций и уровнем готовности, так и в плане достижений, которые должны соответствовать запросам). Необходимо сформировать цепочки внутренних партнеров («субличностей»), структурировать их отношения (например: *Хозяин → (Работник → Среда), (Лидер → Советник) → Среда, (Руководитель → Коллеги) → Среда* и др., и в этом случае индивидуум будет фактически действовать так, как хочет и получать то, что хочет… Но это, конечно, также не единственное направление исследований…

… В незапамятные времена, когда был я совсем юн, от своего отца, психолога, я получил следующее поучение: «Если ты когда-нибудь услышишь, как некий ученый сетует, что, мол, этот вопрос (выбранный им лично для исследования), *«к сожалению»* не получил должного

освещения (или не был им достаточно разработан, или содержит в себе противоречивые данные и т.д. и т.п.), то знай, что это чистое лицемерие. В действительности, исследователь ликует, что на его долю что-то осталось.

Я назвал несколько областей, Вами нетронутых. Они остались на растерзание психологам, вдохновленных Лефевром. С Вашей стороны это упущение или жест доброй воли?

В.А.Лефевр. Это не упущение и не жест доброй воли. Это бессилие. Из перечисленных Вами проблем я догадываюсь только, как можно было бы приложить рефлексивную модель к феноменам установки. Например в книге я рассматриваю процедуру категоризации стимулов по степени их интенсивности. Модель объяснила, что после предъявления слабых стимулов сила очередного стимула завышается.

Давайте промоделируем эксперимент с установкой, с помощью модели интенционального субъекта, которая задается функцией

$$X_1 = \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2} \qquad (1)$$

X_1 может быть интерпретировано как оценка интенсивности стимула,

x_1 - физическая интенсивность предъявляемого стимула,

x_2- среднее значение интенсивности ранее предъявлявшихся стимулов.

Представим себе, что $x_1 = 0.5$, а $x_2 = 0.1$. Подставляя эти значения в (1), находим, что $X_1 = 0.91$. Мы видим, что возникает иллюзия. Субъекту предъявляется стимул с интенсивностью 0.5, а он полагает, что интенсивность стимула 0.91. Возможно, на этом пути могут быть объяснены и другие эксперименты, связанные с возникновением иллюзий.

8. **Эйдос-навигатор-сборщик?** Вы вводите совершенно новый конструкт в категориальный строй философии, психологии, биологии, астрономии – “эйдос-навигатор”. Он обладает удивительным свойством действовать “под порогом” различимости физическими приборами, управляя распределением вероятностей и, в соответствие с этим, переводя физическое тело в новое состояние. Самое замечательное, что действие эйдоса-навигатора не нарушает фундаментальные законы природы. И в этом, как Вы пишите, модифицированный временем аналог присутствия в мире платоновской “чистой идеи”. Необычный (необычайный!) конструкт позволяет Вам предложить совершенно неожиданный способ разрешения знаменитой психофизической проблемы. Вы смело (философы ленинской закалки вздрагивают) пишете о том, что “сознание и физический мир являются отдельными сущностями, и при этом сознание способно воздействовать на

физические процессы и причинно и энергетически.” Но при этом “бесконечно малые” энергетические воздействия, вызывающие изменение траекторий тел, суть не что иное как “операционально ненаблюдаемые” толчки, не нарушающие законы сохранения. Так решается проблема “эпифеноменализма” – гипотетической непричастности сознания к материальному миру. Воздействие – есть, но оно ненаблюдаемо в физических экспериментах.

Какая красивая гипотеза! Но нельзя ли в этом контексте вообще обойтись без “энергии” толчков?

Лет 10 назад я предложил версию, которую впервые опубликовал в статье «Идея Гегеля, оператор Лефевра и “Я”» (2000)[1]. Я рассуждал так: что могло бы отличать собственно физические явления от психических (“ментальных”)? Мой тогдашний ответ: качество *транспонируемости* (вещь можно переместить в другое место, без ущерба для вещи, волна “повторяет” себя, распростаняясь в пространстве); локус возникновения и локус существования физического, могут различаться, а свойства – те же. Иное дело – психика. Она результат композиции (суперпозиции) физических волн. Волны (очевидно) – транспонируемы (передаваемы), композиции (это уже не столь очевидно) – нет. Постулируем: локус возниковения и локус существования психических явлений (в отличие от физических) *совпадают*. По этой причине переживания как таковые (запах, цвет, тепло, ощущение движения, чувства, стремления, боль) – нельзя «подсмотреть», «осязать», «подцепить» (их нельзя ни “вытащить” из нервного волокна, ни заснять на пленку, ни сканировать помощью записывающих приборов). «Чувственная ткань» психики (ощущения, переживания) не-вещественна, не-энергийна. Ничуть не более “весомы” или “заряжены” конфигурации психической материи (образы, цели, смыслы). Они, как таковые, не содержат в себе ни грана вещества, ни кванта энергии. И, тем не менее, узоры, вытканные на чувственной ткани психики, *опосредуют* физические процессы, порождаемые телом (активность). За счет чего?

Подмечено (в итоге известного мысленного эксперимента): контур светового пятна, движущийся по поверхности Луны, при повороте лазара, не есть физический объект (а иначе, как объяснить, что он может двигаться со скоростью, существенно превышающей скорость света?!). Перед нами - *идеальная форма*, существующая в мире физических тел, но не являющаяся ни одним из них. И вместе с тем,

---

[1]*Петровский В.А.* «Идея» Гегеля, «оператор осознания» Лефевра и самопричинность «Я» // Рефлексивное управление: Тезисы международного симпозиума 17-19 октября 2000 г.

носителями таких идеальных форм являются физические тела. Взять хотя бы “чистые” формы геометрических объектов – точки, линии, треугольники. Они все – “нулевой” толщины. Но рисунки этих объектов, выполненные карандашом или пером, обладают всеми свойствами физических объектов. Но если так, то *вещественные* формы воплощения *идеальных* форм способны *конфигурировать* (использую Ваше слово) потоки импульсов, и тем самым они могут быть “соучастны” движению тел, как бы форматируя его. Так дырочки перфокарты конфигурируют (форматируют) потоки света, сквозь них проходящие. Форматирование, конечно, подразумевает изменения энергии “соприкасающихся” материй. Но главное здесь *форма* как таковая; она не является физическом объектом и в то же время, существуя в физической оболочке, способна конфигурировать поведение.

В невидимости, неосязаемости, беззвучности, безболезненности “для меня” чужого психического, по-видимому, заключен огромный эволюционный смысл. Вы приводите метафору Чалмерса, задаваясь вопросом, “почему, если уподобить сознание свету, этот процесс не идет в темноте? Откуда этот свет? Почему мы чувствуем?” Но я бы перевернул вопрос: почему этот свет только в нас, только для нас? Почему другие существа, кроме нас, не видят и не чувствуют того, что мы видим и чувствуем “на свету”? Для всех других наши психические процессы протекают в темноте. Один аргумент мне подсказывает сейчас Ваша модель: они невидимы, потому что не излучают – не растрачивают даром – энергию. Но кроме того (об говорится в моей последней книге[1]), “светиться” (то есть быть у всех на виду, то есть обнаруживать свои помыслы перед другими) было бы, по меньшей мере, *не-экологично*. Эволюция выработала способ скрывать то, что служит цели выживания в конкурентной среде.

Что если не «малые толчки», а «эйдос» навигатора (идеальная форма) служит динамическим фильтром–конфигуратором пронизывающих его импульсов? В этом случае рождается метафора идеальной структуры-«эйдоса», движущегося в физическом материале (в догон Вашим собственным ранним схемам: лампочки на световом пано зажигаются и гаснут, образ как бы бежит по ним…); это движение фильтра, щели, зазора, узора, образованного отверстиями перфокарты.И таким образом сама *сборка* машин в цепочку работающего субъекта *опосредуется* «эйдосом», – спутником и соучастником происходящего? Насколько правомерно так думать?

---

[1] В.А.Петровский. «Я» в персонологической перспективе. Изд. дом НИУ ВШЭ. - 2013. Книга посвящена ученым, открывающим персонологические перспективы в науке, среди них – В.А.Лефевру.

В.А.Лефевр. В сегодняшнем интеллектуальном языке слова “идеальный объект” и “абстрактный объект” звучат как синонимы. Это некоторые очищенные от второстепенных деталей конструкции в нашем сознании. “Идеальное” в моей модели имеет другой смысл. Это не абстракция, не продукция человеческого разума, а реальная сущность, присутствующая во Вселенной. Именно так понимал “идеальное” Платон. Я предположил, что бытие “идеального” и есть феномен психики. В соответствии с таким подходом, у человека есть не только мозг, но и другой реальный орган - эйдус-навигатор. Не исключено, что психология станет ровней физике, если сделает этот орган главным предметом своего изучения.

9. **Модель тепловой машины – ее участие в навигации и работе субъектов?** Сознаю: звучит странно. Но разве нельзя допустить, что Ваша модель – соучастница мирового процесса. Она не просто отражает, но еще и творит. Вовсе неважно, в каких “кодах” (формулы, нервные импульсы, картинки, как в Ваших ранних работах), она представлена. Важно, что она *встроена*? Известный парадокса Эдипа (не путать, конечно, с эдиповым комплексом!): есть саморазрушающиеся и самоподтверждающиеся прогнозы. Осознавание (рефлексия), как Вы убедительно показали в книге – активно, действенно[1]. И быть может, сейчас, в тот самый момент, когда Вы строите её, промысливаете, зарисовываете, говорите о ней, она сама строит-достраивает мир, который стремится в себе отразить? Сопровождает Космических субъектов в их неустанной саморефлексии? Образует особое звено в цепочке тепловых машин, заряжаясь энергией от предшествующей и сообщая ее последующей?

В.А.Лефевр. Вы сделали существенный шаг вперед. Действительно, модель с цепочкой тепловых двигателей может быть рассмотрена как космологическая модель. В этом случае она описывает не одного испытуемого, а мир как мега-субъекта. Но важнее, что при этом мы избегаем логических трудностей, порождаемых предположением, что у каждого отдельного материального объекта есть свой идеальный эйдос.

---

[1] Некоторое время назад, в энциклопедии Ребера, я прочитал, что мыши образца 60-х годов почему-то лучше справляются с решением интеллектуальных задач, чем мыши в 30 годы (хотя порода мышей – та же, да и задачи – в точности те же). Множество попыток объяснить. А я – шучу (правда, не все понимают шутку, и я чувствую себя в таком случае глуповато). Всё просто, говорю я, результаты ранних экспериментов были опубликованы, и будущие испытуемые каким-то образом о них узнали… Если серьезно, в наших собственных исследованиях (Петровский, Тунгусова, 1984) участники, знакомясь с достоверными прогнозами, касающимися их будущих реакций, заметно перестраивали свои ответы на вопросы теста. Словом, “счастье, когда тебя понимают, но несчастье, когда раскусили…”

На пути, который Вы наметили, есть лишь один объект - материальная Вселенная, у которой есть один всеобщий эйдос. Индивидуальные эйдосы являются только проекциями всеобщего эйдоса.

10. «Сознавание» – это свобода? Могут сказать: “Тепловой агрегат… Всё подчинено логике необходимости… Где ж тут свобода?” На этот вопрос вопрошающий попробует ответить самостоятельно, а Вы, Владимир Александрович, проверьте правильность понимания. «Процесс *осознавания* в модели Лефевра – это *работа*, интерпретируемая как “внутреннее переживание”. В момент осознания, часть энергии остается незадействованной, невоплощенной. Она-то и является «субстратом» свободы, «*свободной* энергией» (в некоторых психологических системах используется этот термин, например, в трансактном анализе Э.Берна). Далее: *феноменологически*, свобода заключает в себе два момента: свобода “от” и свобода “для” (Э.Фромм). Осмыслим, исходя из модели. Свобода “от” – это значит: не все, что имею, служит чему-то сейчас, т.е. непосредственно “идет в дело”, “работает” (энергия за пределами требуемого). Свобода “для” – это значит: уже сейчас есть что-то ещё, что будет востребовано после (избыток на будущее)».

Итак, вопрос: «Сознавание» = «Энергия будущего» = «Свобода». Так?

В.А.Лефевр. Понятие свободы выбора вводится в аналитическую модель вполне строго. Свобода появляется, когда мир склоняет субъекта выбрать негативный полюс, и субъекту известно это. В такой ситуации субъект свободен и поэтому ответственен за свой выбор. Аналогом свободного субъекта является тепловая цепочка, в которой коэфициенты полезного действия первой и второй машин очень малы. Тогда готовность выбрать позитивный полюс ведет себя хаотично, что в модели является теоретическим аналогом свободы выбора.

11. Ваша концепция – детерминизм, или…? Однако «свобода» – это одно, а «индетерминизм» – другое. И вот тут вопрос к самому автору теории. Ваша концепция – детерминизм?

В.А.Лефевр. Индетерминизм, причем даже более радикальный, чем в квантовой механике, поскольку недерминированы даже вероятностные распределения.

12. Могу ли теперь я сказать: «Знаю…»? (вопрос риторический). Разумные существа длят своё бытие. Счастье – это ведь не только «наслаждение жизнью» или, скажем, «достойная жизнь». Счастье в том, чтобы благополучие было продолжено, не было подорвано самой жизнью. Большой «оптимист», Энгельс писал: «Жить – значит умирать». А вот еще: «Есть болезнь, от которой умирают все. Что это?»

– «Жизнь!» (это уже не Энгельс). Таковы формулы несчастья. А формула счастья: «Жить, чтобы жить» (по-возможности, вечно). Но что в этом плане можем мы? Всего ничего. В этом отношении мало чем отличаемся от первобытных людей. Правда, мыслью мы забегаем вперед… Грезим: пройдет время, эти помыслы осуществятся, наши потомки научатся жить вечно. Но, ведь не одни мы такие умные. Тысячи цивилизации во Вселенной наверняка прошли этот путь. Вы обнаружили музыку во Вселенной (нет ли у Вас контрамарки в Космическую консерваторию?). Космические субъекты – не фикция. Вселенский разум – реальность. Бессмертие – существует. На вопрос: «Верите?», теперь скажу твердо: «Не верю! Но – знаю!» Спасибо, Владимир Александрович! Теорема доказана.

В.А.Лефевр. Спасибо Вам, Вадим Артурович. Вы замечательный собеседник!

Я искренне благодарен Вам, Владимир Александрович, за Ваши ответы. Вы предлагаете совершенно особый подход в разработке того, что философы называют космизмом. Но Вы не просто поэтически одушевляете мир или рассуждаете о его одушевленности. Таких попыток в истории культуры не счесть. Вы строите Науку о душе – в том понимании науки, которое развито Поппером (система эмпирически опровержимых гипотез). В Ваших работах: универсальность охвата, уникальность видения, универсум, отражающийся в самом себе. Я бы сказал – «Космизм рефлексии Лефевра».

НАУКА КАК РЕФЛЕКСИВНЫЙ РЕСУРС ВЛАСТИ

Ю.М. Батурин

Институт истории науки и техники имени С.И.Вавилова РАН,
директор, член-корр. РАН

По определению Роберта Даля (несколько упрощенное определение Макса Вебера): «*A* имеет власть над *B* настолько, насколько *A* может заставить *B* сделать то, что *B* не стал бы делать самостоятельно».

Пусть актор *A* – власть, актор *B* – наука (власть и наука – обобщенное обозначение сложных акторов). Тогда согласно приведенному определению, способность ВЛАСТИ добиться от НАУКИ поведения, соответствующего воле ВЛАСТИ, которого НАУКА в иных условиях не придерживалась бы – есть обычные отношения господства-подчинения. Добиться нужного поведения можно разными способами, например, с помощью командного управления и с помощью рефлексивного управления.

Роберт Даль использовал ресурсный подход к власти: «Ресурс – все, что актор может использовать для влияния на других». Тогда осуществление власти – способность превращать ресурсы во влияние. Ресурсы власти: деньги, сила, информация, авторитет, наконец, наука. Таким образом, наука не только актор, но и один из ресурсов власти. Особенность этого ресурса-актора – способность к рефлексии высокого ранга, выделяющая этот властный ресурс среди многих других.

Власть добивается подчинения, вообще говоря, смешанным управлением – командным в сочетании с рефлексивным. Однако ранг рефлексии власти (государства) заведомо ниже ранга рефлексии науки в силу особой природы этого ресурса власти, а также ввиду того, что, обладая силовым ресурсом, нет необходимости вырабатывать у себя рефлексию высокого ранга («Сила есть – ума не надо»). Наука добивается своих целей (главным образом, финансирования поиска научной истины) от власти (государства) только с помощью

рефлексивного управления (переводя высокие интересы поиска истины рефлексивным образом на понятный власти язык утилитарных интересов государства).

Может ли возникнуть ситуация, когда НАУКА способна добиться от ВЛАСТИ поведения, соответствующего воле НАУКИ, которого ВЛАСТЬ в иных условиях не придерживалась бы? Об этом мечтал Огюст Конт. В его утопии наука становилась властью. Для науки ясна неосуществимость этой модели, ибо сущность власти – быть самоцелью, смысл власти – господство, но не подчинение, и если наука становится властью, она теряет свою сущность (также быть самоцелью) и меняет свой смысл. Но для власти это неочевидно, поскольку из-за невысокого ранга собственной рефлексии, она завышает ранг рефлексии науки, в ее представлении, представляющий опасность для власти. (На самом деле, очень высокий ранг рефлексии не гарантирует проигрыша от силового хода с нулевым или первым рангом рефлексии [1, с.44, 47]). Когда разрыв в рангах рефлексии власти и науки и их представлениях о рангах рефлексии (своего и другого) становится выше некоторого предела, возникают кризисы в отношениях власти и науки.

Знание есть власть (в смысле определения Р.Даля). Поэтому власти нужна наука и поэтому власть боится науки.

Власть есть знание (в смысле властного ресурса). Поэтому наука (актор-ресурс) сотрудничает с властью.

Сила актора – мера способности превращать ресурсы во влияние.

В утопии Огюста Конта наука становится властью (мы уже знаем, что это невозможно). Но его утопия, как предельный случай взаимоотношений власти и науки, показывает предельно малую область совпадения интересов власти и науки:

- знание есть власть (влияние).
- власть есть знание (ресурс).

В остальном их интересы и цели расходятся, становясь строго или не столь строго противоречивыми.

Строгое противоречие означает жесткую конфронтацию власти и науки, когда власть предписывает науке определенные действия, рассматриваемые наукой как ошибочные и вредные для государства. Такая ситуация является типичной для разных стран, политических режимов, типов экономик, поскольку соответствует природе власти и природе науки [2].

Нестрогое противоречие приводит к добрососедским отношениям власти и науки как в XIX веке или в 1920-1930-е годы в СССР: власть поддерживает научные исследования, хотя и рассматривает их как излишество, а наука не в состоянии требовать необходимого.

Кризис лета-осени 2013 года, вызванный попытками власти силовым (с нулевым рангом рефлексии) реформировать Российскую академию наук объясняется разными причинами, в том числе и завышением РАН ранга рефлексии власти, с одной стороны, и представлениями власти о том, почему рефлексивная структура науки не встраивается в командную «вертикаль». В паре «командное управление» + «рефлексивное управление» власть, теряя способность к рефлексии, усилила командную составляющую. Наука же имела своим ориентиром отношения власти и науки в 1950-е – 1970-е годы в СССР. Однако такие отношения требуют выработки у государства «разумной рефлексии» [3, с.7] для того, чтобы осуществлять разумное «управление интеллектуальными ресурсами и особенно – научным потенциалом страны» [4, с.510].

Литература

1. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003.
2. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. – С.-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2003.
3. *Макаров В.Л.* Государственный аудит и проектирование будущего. – В кн.: Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М., «Наука», 2008.
4. *Степашин С.В.* Конституционный аудит. – М., «Наука», 2006.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ В ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УПРАВЛЕНИИ

В.Е. Лепский

Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН,
главный научный сотрудник,
Президент Клуба инновационного развития ИФ РАН,
доктор психологических наук

Аннотация: Проанализированы базовые аспекты в эволюции представлений об управлении в контексте классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности. Аспекты структурированы по уровням: философский (типы научной рациональности), методологический (базовые парадигмы, объекты управления и научные подходы), теоретический (базовые обеспечивающие области знания), методический (базовые виды, модели, механизмы и технологии управления). Обоснована точка зрения, что развитие проблематики управления связано со становлением научного обеспечения постнеклассической рациональности.

Ключевые слова: управление, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, рефлексия, рефлексивное управление, субъектно-ориентированный подход, рефлексивно-активные среды развития, саморазвивающиеся среды.

V.Lepskiy

EVOLUTION OF REPRESENTATIONS ABOUT CONTROL IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC RATIONALITY

Base aspects in evolution of representations about control in a context of classical, nonclassical and postnonclassical scientific rationality are analysed. Aspects are structured on levels: philosophical (types of scientific rationality), methodological (base paradigms, objects of control and scientific approaches), theoretical (base providing areas of knowledge), methodical (base types, models, mechanisms and technologies of control). The point of view is proved, that progress of a problematics of control is connected with development of scientific maintenance of postnonclassical rationality.

Keywords: control, classical, nonclassical, postnonclassical rationality, a reflexion, the reflexive control, the subject-focused approach, is reflexive-active environments of development, self-advancement environments.

Базовые аспекты в эволюции представлений об управлении

При постановке проблемы исследования эволюции представлений об управлении мы сталкиваемся с разнообразием сложившихся представлений об управлении. Необходимо синтезировать в единой модели эволюции представлений об управлении наиболее существенные, но, тем не менее, «односторонние» теоретические и практические «срезы» анализируемого процесса. Для решения этой методологической задачи воспользуемся предложенной В.А. Лефевром идеей системного конфигуратора. Смысл этой идеи состоит в том, что исследователь производит обоснованный отбор некоторых, принципиально разных представлений об объекте исследования. Объект, как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает свое собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру. Экраны связаны друг с другом так, что у нас имеется возможность соотносить различные картины. Подобное «устройство», синтезирующее различные системные представления было названо Лефевром «конфигуратором».[1]

Структурирование позиций конфигуратора выполним в контексте устоявшихся представлений научного анализа:

- философский уровень (философия науки - базовые типы научной рациональности);
- методологический уровень (базовые парадигмы и объекты управления, методология научного подхода);
- теоретический уровень (базовые обеспечивающие управление области знания);
- методический уровень (базовые виды и модели управления; механизмы и технологии управления).

Заданные базовые аспекты рассмотрения (Таблица 1.), на наш взгляд, позволят достаточно полно отразить эволюцию представлений об управлении в контексте научной рациональности.

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры / Лефевр В.А. Рефлексия.- М.: «Когито-Центр». 2003. С.97-98. Первое издание данной работы было в 1967 г.

Таблица 1.

Базовые аспекты в эволюции представлений об управлении

Философский уровень (философия науки)	Методологический уровень			Теоретический уровень	Методический уровень		
Тип научной рациональности	**Базовая парадигма**	**Базовые объекты управления**	**Базовые научные подходы**	**Базовые обеспечивающие области знания**	**Базовые виды управления**	**Базовые модели**	**Базовые механизмы и технологии**
Классическая	«Субъект – Объект»	Сложные системы	Монодисциплинарный	Кибернетика	Классическое управление	Аналитические (математические)	Обратные связи
Неклассическая	«Субъект – Субъект»	Активные системы	Междисциплинарный	Кибернетика второго порядка (биология, психология, социология и др.)	Рефлексивное управление, информационное управление, манипулятивные воздействия и др.	Имитационные (математические), деловые , ролевые, оргдеятельностные игры и др.	Рефлексивные процессы
Постнеклассическая	«Субъект – Полисубъектная среда», «Саморазвивающиеся среды».	Саморазвивающиеся среды	Трансдисциплинарный	Философия, политология, экономическая наука, социология, социальная кибернетика, социогуманитарная эргономика и др.	Управление через проекты, средовое управление, сетевое управление.	«Человеко-размерные» (комбинированные)	Воздействия через среды, культуру, ценности, технологии «Мягкой силы», «сборки» и разрушения субъектов развития

Эволюция типов научной рациональности

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это — *классическая* (соответствующая классической науке), *неклассическая* и *постнеклассическая рациональности*[1].

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями науки, которые позволяют выделить и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность и конвергенция.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Управление в контексте классической научной рациональности

Философский уровень анализа

Классическая научная рациональность, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и

[1] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.

ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций: научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека.

На начальном этапе становления научной проблематики управления (40-70 –е годы) наиболее существенное влияние оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями позитивизма, а в части формирования моделей человека бихевиоризма, базирующегося также на позитивистских представлениях.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничивалось *парадигмой «субъект-объект»*.[1]

Базовые объекты управления. Базовыми объектами в контексте данной научной рациональности и парадигмы «субъект – объект» выступают как простые, так и большие системы. Характерно, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого, связи между элементами подчиняются лапласовской причинности. Эти системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая формирует управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Автоматические станки, заводы-автоматы, системы управления космическими кораблями и т.п. - все это примеры больших систем в технике.[2]

Базовый научный подход. В исследовании проблематики управления в контексте классической научной рациональности сложился *монодисциплинарный подход*. Фактически все проблемы управления охватывались одной областью знания кибернетикой, которая трактовалась как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе.[3]

---

[1] *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. − М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308.

[2] *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии 2003, № 8. С.5-17.

[3] *Norbert Wiener*. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine (Cambridge, Mass., John Wiley & Sons Inc., New York, 1948).

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Кибернетика является базовой областью знания обслуживающей проблематику управления в контексте классической научной рациональности. Бурное развитие этой проблематики началось примерно с 40-х годов прошлого столетия, успешно решались разнообразные задачи управления техническими системами. Несколько позднее сформировалась автономно проблематика искусственного интеллекта, имеющая непосредственное отношение к задачам управления. Однако, на наш взгляд, проблематика искусственного интеллекта вполне вписывается в проблематику кибернетики, и ее выделение имеет не научные, а иные основания.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. *Классическое кибернетическое* управление – предполагает наличие системы и объекта управления. Типичная модель объекта управления представляется в виде «черного ящика». Система управления вырабатывает управляющие воздействия для удержания объекта на заданной траектории и учитывает его отклонение от нее за счет обратных связей. Развитие этих представлений позволило ввести понятия дуального управления (используются специальные воздействия на объект для получения о нем дополнительной информации), адаптивного управления и др. Согласно афоризму фон Фёрстера, кибернетика первого порядка - это кибернетика наблюдаемых систем, что определяет специфику видов управления в контексте классической научной рациональности на основе парадигмы «субъект – объект».

Базовые модели в управлении. В рамках этой парадигмы для моделирования процессов управления использовались разнообразные подходы: функциональный, функционально-структурный, аксиоматический, информационный, исследования операций и классическая теория игр и др.

Функциональный подход, базирующийся на декларирование общности процессов управления в технических и социальных системах, универсализма и достаточности моделей типа “черный ящик”, позволяющих успешно использовать традиционный арсенал математических методов 40-70-х годов прошлого столетия. Характерной чертой функционального подхода является то, что сама специфика структуры или системы, остается как бы в стороне, основное внимание сосредотачивается на комплексе свойств, определяющих ее “поведение” при взаимодействии с окружающей средой.

Аксиоматический подход нашел широкое распространение в моделировании экономических систем для моделирования экономического поведения человека. Однако многочисленные

экспериментальные исследования показали, что поведение людей не просто является каким-то отклонением от “оптимального” (соответствующего ожидаемому в рамках нормативных методов) - оно имеет принципиально иной характер. Этот вывод поставил под сомнение основы аксиоматического подхода к моделированию поведения человека в управлении экономическими системами. Официальное признание неадекватности данного подхода было зафиксировано при присуждении Д. Канеману в 2002 году Нобелевской премии по экономике за исследование формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости. В контексте поддержки процессов принятия управленческих решений широко использовались модели, разработанные на основе «логической парадигмы», при этом оставалось загадкой, что можно имитировать в человеке с позиций логической парадигмы.

Информационный подход к моделированию процессов управления базировался на теории информации. В центр внимания попали информационные потоки и проблемы, связанные с их рационализацией. При этом человек рассматривался как пассивное звено переработки информации. Об ограниченных возможностях применения теории информации за пределами технических каналов связи предупреждал ее основоположник К.Шеннон,[1] но к его предупреждениям долгое время не прислушивались. Кризис этого подхода применительно к организационным системам управления был четко обозначен в статье Р.Акоффа.[2]

Исследование операций объединило под свои знамена многочисленные подходы в использовании математических методов в различных сферах управленческой практики.[3] Оперирующая сторона по определению находилась в достаточно пассивной позиции, так как в отрыве от нее исследователь операции (специалист по прикладной математике) формировал множество альтернатив и определял "оптимальную стратегию", а затем предлагал ее ЛПР (лицу, принимающему решения) как нечто гарантированное, - по заданным критериям, с многочисленными ограничениями, малодоступными в большинстве случаев для понимания ЛПР. То есть наблюдалась подчас явная, а иногда скрытая ситуация подмены ЛПР представителями кибернетики, искренне верящими, что можно все формализовать и

---

[1] *Шеннон К.* Бандвагон // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике (перевод с английского, под редакцией Р.Л. Добрушина и О.В. Лупанова). – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С. 667-668.

[2] *Ackoff R.J.* Management Misinformation Systems // Management Science, 1967, N. 14. P. 147-156.

[3] *Гермейер Ю.Б.* Введение в теорию игр и исследование операций. М.: Наука, 1971.-383с.

найти оптимальную стратегию поведения. ЛПР фактически оказался отстраненным от процедур “становления” альтернатив, решение управленческих проблем фактически подменяется процедурой принятия решений.

Теоретико-игровой подход позволил построить одну из прекраснейших теорий двадцатого века - теорию игр, которая нашла широкое применение в различных сферах управленческой практики. Первый шаг к созданию этой теории сделал Джон фон Нейман в 1928 году, доказав теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой. Следует отметить, что теория игр обрела не только нормативный характер (т.е. давала указания, как следует играть – принимать управленческие решения), но и предсказательный (т.е. указывала на наиболее вероятное поведение игрока). Пик популярности теории приходится на 50-60-е годы двадцатого века. В это время она становится основной референтной теорией принятия управленческих решений в условиях конфликта. Такие понятия как принцип гарантированного результата, игра с нулевой суммой, смешанная стратегия, дилемма заключенного начинают употребляться не только специалистами, но и людьми далекими от математики - военными, дипломатами, политологами и даже журналистами. Однако в 70-е годы в использовании теории игр наступил кризис. Оказалось, что схема, положенная в ее основу, бедна; это проявилось, в частности, в слишком упрощенном взгляде на человеческие ценности.[1]

Функционально-структурный подход. Одним из первых симптомов смены тенденций в моделировании социальных систем явился перенос центра внимания с аналитических на *имитационные модели и системы*. Интерес к имитационным моделям возник у управленцев в связи с тем, что их главная отличительная особенность состоит в обеспечении не только функциональной аналогии модели с объектом управления, но и структурно-функциональной, позволяющей использовать имитационные модели в качестве понятных заместителей реальности.[2]

Для *глобального моделирования и прогнозирования* наибольшее распространение получили следующие виды имитационного математического моделирования:

---

[1] *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление. 2009. №1-2. С.51-56. *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. №4. С. 154-157.

[2] *Березкин Б.С., Лепский В.Е., Субботин Ю.А.* Имитационное моделирование в инженерно-психологических исследованиях деятельности операторов организационных систем /Методы и средства автоматизации психологических исследований. М.: Наука, 1982. С.30-43.

– дискретно-событийное моделирование;
– системная динамика как парадигма моделирования;
– агентное моделирование.

Дискретно-событийное моделирование - подход к моделированию, предлагающий абстрагироваться от непрерывной природы событий и рассматривать только основные события моделируемой системы, такие как: «ожидание», «обработка заказа», «движение с грузом», «разгрузка» и другие. Дискретно-событийное моделирование наиболее развито и имеет огромную сферу приложений — от логистики и систем массового обслуживания до транспортных и производственных систем.

Системная динамика – парадигма имитационного моделирования, где для исследуемой системы строятся графические диаграммы причинных связей и глобальных влияний одних параметров на другие во времени, а затем созданная на основе этих диаграмм модель имитируется на компьютере. По сути, такой вид моделирования более всех других парадигм помогает понять суть происходящего, выявления причинно-следственных связей между объектами и явлениями. С помощью системной динамики строят модели бизнес-процессов, развития города, модели производства, динамики популяции, экологии и развития эпидемии.

Агентное моделирование - относительно новое (1990е-2000е гг.) направление в имитационном моделировании, которое используется для исследования децентрализованных систем, динамика функционирования которых определяется не глобальными правилами и законами (как в других парадигмах моделирования), а наоборот. Когда эти глобальные правила и законы являются результатом индивидуальной активности членов группы. Цель агентных моделей — получить представление об этих глобальных правилах, общем поведении системы, исходя из предположений об индивидуальном, частном поведении ее отдельных активных объектов и взаимодействии этих объектов в системе. Агент — некая сущность, обладающая активностью, автономным поведением, может принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействовать с окружением, а также самостоятельно изменяться. Следует отметить, что в этих моделях появились зачатки «субъект - субъектных» отношений,[1] однако в целом доминантой прикладных работ остается «объектно-ориентированный сетевой подход».[2]

---

[1] *Тарасов В.Б.* От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 352 с.

[2] *Городецкий В.И.* Теория, модели, инфраструктуры и языки спецификации командного поведения автономных агентов. Обзор (Часть 1) // Искусственный интеллект и принятие

В контексте имитационного моделирования в приложениях к управлению следует также рассматривать деловые и ролевые игры.

Существенное развитие моделирование социальных систем получило в рамках становления неклассического типа научной рациональности.

Базовые механизмы и технологии управления. В рамках парадигмы «субъект – объект» основные механизмы управления: обратные связи отрицательные и положительные. На них в частности базируются гомеостатические механизмы управления, системы автоматического регулирования и др.

Управление в контексте неклассической научной рациональности

Философский уровень анализа

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний: что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире. На результаты научных исследований накладывается осмысление соотнесенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности.[1]

В этом контексте развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект-объект».

В контексте философии эти исследования способствовали также переходу от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму, который становится одним из ведущих направлений в рамках неклассической рациональности. В соответствии с философской позицией конструктивизма то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, – не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по И. Канту). Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

решений. 2011. N 2. С.19-30.

[1] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.

Отсюда вытекает ряд следствий: во-первых, проблема множественности реальностей их соизмеримости, а также переводимости и понимания субъектов, живущих, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах; во-вторых, проблема телесных и ситуационных детерминант познания, которые делают реальности различных субъектов принципиально несоизмеримыми; в-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам он ее создает? [1]

Дополнительные основания для развития философского конструктивизма были заложены в кибернетике второго порядка, исходные идеи которой описаны в работах Х. фон Ферстера. Основным естественнонаучным источником философского конструктивизма является парадигма самоорганизации. В биологии она нашла свое воплощение в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф.Варелы. В психологии и психотерапии философский конструктивизм имеет сторонников прежде всего в лице Г.Бейтсона и П.Ватцлавика. Бейтсон считал, что люди сами создают воспринимаемый мир, поскольку подвергают селекции воспринимаемую реальность, чтобы привести её в соответствие со своими представлениями о мире. Фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода субъективные среды множественной реальности.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Наибольший вклад в развитие методологических основ неклассической науки внесла на наш взгляд отечественная школа методологов, в центр внимания которой была поставлена проблема - «средства задают объект»[2]. При такой постановке противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для "не наделенных психикой" объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, "наделенный психикой", отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях исследователь становится всего лишь одним из

---

[1] *Князева Е.Н.* Проблема субъекта в философском конструктивизме // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр. 2007. С.70-78. http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf

[2] *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах / Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции : Сб. — М.: АН СССР, 1965. С. 141-149. *Лефевр В.А.* О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании / Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции : Сб. — М.: АН СССР, 1965. С. 61-68. http://www.reflexion.ru/Library/J2005_1.pdf

персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству[1].

На западе аналогичные подходы рождались в рамках общей теории систем[2] и кибернетики второго порядка, в переходе от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем».[3]

Эти исследования заложили фундамент для перехода в управлении от парадигмы "субъект – объект" к *парадигме "субъект – субъект".*[4] Как следствие возникли новые представления о базовых видах, механизмах и моделях управления.

Базовые объекты управления. Для данного типа научной рациональности и базовой парадигмы управления «субъект – субъект» важнейшим свойством рассматриваемых объектов управления, на наш взгляд, является их активность. При этом причинность для данного типа объектов уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму и дополняется идеями "целевой причинности" (целевой детерминации). Данный тип объектов может быть отнесен к активным системам, а как базовые наиболее сложные объекты следует рассматривать большие активные системы.[5] Примерами таких систем могут быть биологические организмы и их сообщества, человек и сообщества, организации и т.п.

Базовый научный подход. Базовая роль парадигмы «субъект – субъект» и становление активных систем как базового типа объектов управления определило ключевое направление развития кибернетики, как кибернетики второго порядка, а также актуализацию в проблематике управления знаний из широкого спектра областей: биологии, психологии, социологии, политологии и др. Базовым научным подходом становится *междисциплинарный подход*.

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Основатели кибернетики понимали ограниченность парадигмы «субъект – объект» для решения проблем управления выходящих за рамки технических систем, однако

---

[1] *Лефевр В.А.* Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. — М.: Наука, 1969.

[2] *Берталанфи фон Л.* История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: «Наука», 1973. С. 23–24.

[3] *Heinz von Foerster* (1974), *Cybernetics of Cybernetics*, Urbana Illinois: University of Illinois

[4] *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. − М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308.

[5] В работах В.С.Степина этот тип систем определяется как саморегулирующиеся системы.

актуальность практических задач повлияла на перенос развития этой парадигмы на более поздний срок.

Во-первых, общая теория систем, да и сама программа системных исследований, ориентировала на сознательный выход из рамок классической методологии. «Поскольку, – утверждал Берталанфи, – фундаментальный признак живого – организация, традиционные способы исследования отдельных частей и процессов не могут дать полного описания живых явлений. Такие исследования не содержат информации о координации частей и процессов. Поэтому главной задачей биологии должно стать открытие законов, действующих в живых системах на всех уровнях организации».[1] Аналогичные идеи были высказаны, намного раньше, отечественным ученым А.А.Богдановым.[2]

Во вторых, все более остро вставала проблема учета активности различного рода систем. Естественной для биологических систем и систем с участием человека, искусственной для технических систем, в разработку которых бурными темпами стали внедряться элементы искусственного интеллекта.

С актуальностью решения этих проблемы связано становление кибернетики второго порядка. Идея активного объекта (объекта-исследователя) была положена Х. фон Фёрстером в основание новой кибернетики второго порядка. Кибернетика первого порядка - это кибернетика наблюдаемых систем. Кибернетика второго порядка - кибернетика наблюдающих систем. Субъективность наблюдателя определяет его модель наблюдения, его теорию, под оправдание которой отбираются убедительные факты. Если кибернетика первого порядка делает акцент на «жесткое управление» («субъект-объектный» контекст), кибернетика второго порядка должна ориентироваться на «субъект-субъектные» формы управления, на более «мягкие» формы, в центр внимания которых попадают процессы самоорганизации.

«Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир “там, вне нас”. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения».[3]

---

[1] *Берталанфи фон Л.* История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: «Наука», 1973. С. 23–24.

[2] *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (Тектология) М.: Книга, 1925.

[3] *Foerster von H., Pörksen B.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. S.114-115.

В центре внимания кибернетики второго порядка оказались процессы «само-объективизации», причем важно отметить, что исследование этих процессов шло независимо и разными путями в Советском Союзе и на Западе. Это показывает, что, с одной стороны, кибернетика развивается согласно собственной имманентной логике, независимо от сиюминутной моды, индивидуальных предпочтений отдельных ученых или культурных стереотипов. С другой стороны, различия в советском и западном подходах представляют интерес для сравнения. Их интеграция позволит нам увидеть более ясно общую структуру проблем, методов и схем, которые составляют кибернетику второго порядка.

Понятие «само-объективизации» носилось в воздухе на московских философских и кибернетических семинарах начала шестидесятых. Наиболее четко формализовать это понятие удалось В.А.Лефевру в книге «Конфликтующие структуры»[1]. Он выделил особый класс объектов, которые назвал "объектами, сравнимыми с исследователем по совершенству". Исследователь должен отразить «внутренний мир» таких объектов и владеть специальными средствами, которые были названы *рефлексивными*. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс исследования объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем? Наблюдатель может становиться в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта!).

В биологии идеи кибернетики второго порядка нашли свое воплощение в концепции аутопоэзиса У.Матураны и Ф.Варелы, в которой в центре внимания оказались «самость» и «самопрезентация» развивающихся систем. В психологии и психотерапии идеи кибернетики второго порядка нашли своих сторонников прежде всего в лице Г.Бейтсона и П.Ватцлавика, взгляды которых согласуются с «конструктивизмом».

Появление кибернетики второго порядка есть появление нового измерения - рефлексии, но оно вводилось по-разному в Советском Союзе и на Западе. В Советском Союзе идея рефлексии была объединена с идеей структуры, в результате чего появился рефлексивный анализ, на Западе - с идеей вычислений, в результате чего в кибернетику проникло понятие само-отнесенности.[2]

---

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М. Высшая школа. 1967. С.9-10.

[2] *Лефевр В.А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002.Том 2.№1. С.96-103.

По сути дела, кибернетика второго порядка являет собой переход от позитивизма к конструктивизму.[1] Становление кибернетики второго порядка принципиально повлияло на развитие проблематики управления, на смену механизмов моделей и появлению новых видов управления.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. Переход в управлении от парадигмы "субъект – объект" к парадигме "субъект – субъект" привел к новым представлениям о видах управления, появляются рефлексивное управление[2], информационное управление[3], управление активными системами[4] и др.

Приведем пример из области управления экономическими системами. Нобелевская премия по экономике за 2001 год. Лауреаты: Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Спенс (A. Michael Spence), Джозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz). В пресс-релизе Королевской академии говорится: «Многие рынки характеризуются асимметричной информацией: игроки на одной стороне рынка обладают гораздо большей информацией, чем игроки на другой стороне. Заемщики знают больше, чем заимодавцы, о своих платежных планах, менеджеры и руководство знают больше, чем держатели акций, о прибыльности компании, а будущие клиенты осведомлены о рисках компании лучше, чем страховщики». Фактически речь идет об управлении экономическими системами в контексте парадигмы «субъект-субъект». Во-первых, речь идет о необходимости учета наличия разных картин мира у участников (субъектов) рыночных отношений. А значит о необходимости учета механизмов формирования информационных моделей субъектов рыночных отношений. Во-вторых, четко ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т.е речь идет об учете механизмов рефлексивного управления. Ранее аналогичные идеи были сформулированы и практически использованы в экономике Д.Соросом.[5]

---

http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf

[1] Foerster, H. von. On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N.-Y.: Springer Verlag, 2003.

[2] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.

[3] *Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н.* Информационное управление: принципы моделирования и области использования //Труды ИПУ РАН. Т. XXIII. - М.: ИПУ РАН. 2004. С. 5-29.

[4] *Бурков В.Н., Кондратьев В.В.* Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981.-384с.

[5] *Soros G.* The Alchemy of Finance. Simon & Schuster, 1988.

Базовые модели в управлении. В рамках парадигмы «субъект – субъект» развитие моделирования процессов управления связано с многими научно-прикладными подходами: субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

В контексте имитационного моделирования следует рассматривать также разнообразные виды игрового моделирования с ограниченным использованием математических методов: деловые игры, ролевые игры и др. А также проблемные игры, несколько выходящие за рамки имитационных игр, например, организационно-деятельностные игры.

В контексте неклассической научной рациональности получила принципиальное развитие *классическая теория игр и в целом проблематика выбора*.

Важное направление развития моделирования в управлении связано с рефлексивными математическими моделями (основатель В.А. Лефевр в 1960-е годы) по замыслу создателей предназначались для преодоления ограничений сформированных в рамках естественнонаучных представлений классической науки, проявившиеся при исследовании систем сравнимых с исследователем по совершенству.[1]

Во-первых, это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий. В контексте теоретико-игрового подхода на основе анализа поведения фантомных агентов, существующих в представлениях других реальных или фантомных агентов, удалось предложить в качестве решения рефлексивной игры информационное равновесие, которое является обобщением ряда известных концепций равновесия в некооперативных играх.[2] Было проведено расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик[3] и др.

Во-вторых, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности, которые образуют два класса. В частности были разработаны четыре модели выбора, когда наряду с утилитарными присутствуют и высшие ценности. В основе всех этих моделей лежит представление субъекта как существа рефлексирующего, т.е. предполагается, что субъект может иметь образы себя и других субъектов вместе с их внутренними мирами. Простейшие ситуации, в которых высшие ценности играют

---

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.

[2] *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. М.: СИНТЕГ, 2003. – 149 с.

[3] *Таран Т.А.* Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеха-
ника. – 2001. №10. – С. 103 – 117.

существенную роль, связаны с восприятием людьми успеха или неуспеха других людей.

В 1969 году была построена *первая формальная модель* генерации высших ценностей в подобных ситуациях.[1] Мы предположили, что каждый субъект является локальным центром социального организма и, что ценности других членов группы влияют на его ценности.

Вторая модель[2] была создана для выявления склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту. В рамках этой модели таких отношений может быть только два - союз или конфликт. Выбор одного из них предопределяется не утилитарными, а высшими ценностями. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т.е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах.

Третья модель - это модель биполярного выбора. Анализ экспериментальных данных показал, что биполярная модель позволяет объяснить наблюдаемое отклонение реальных стратегий, которыми пользуются как люди, так и животные, от стратегий, оптимальных, с точки зрения утилитарных ценностей.[3]

Отдельные субъекты очень редко принимают решения, находясь в изоляции. Обычно на них воздействуют другие субъекты, входящие с ними в одну группу. Члены группы могут находится друг с другом в отношении союза или конфронтации. В рамках рефлексивных моделей выбор генерируется многоэтажной рефлексивной структурой, т.е. у каждого субъекта есть система образов себя, в свою очередь содержащих системы образов себя. Поставим следующий вопрос: какова универсальная высшая ценность, объединяющая группу субъектов. В теории рефлексивных игр[4] (это *четвертая модель*) такой универсальной общей ценностью является *принцип запрета эгоизма*. Он формулируется так: каждый субъект, входящий в группу, преследуя

---

[1] *Лефевр, В.А., Баранов, П.В., Лепский, В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх. Известия Академии Наук СССР. Техническая кибернетика, 1969, №4, С.29-33. Смотри также: Рефлексивные процессы и управление. 2006, №2. С.96-102. http://www.reflexion.ru/Library/J2006_2.pdf

[2] *Лефевр, В.А.* Алгебра совести. – М.: «Когито-Центр». 2003. – 426 с.

[3] *Lefebvre, V.A.* (2006). Research on Bipolarity and Reflexivity. Lewiston: The Edwin Mellen Press. См. также *Лефевр, В.А. Космический субъект*. – М.: «Когито-Центр». 2005. *Lefebvre, V.A., Sanabria, F.* (2008). Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality. *Behavioral Processes*, Vol. 78, pp.204-209. Перевод на русский: *Лефевр, В.А., Санабриа, Ф.* Биполярный выбор в экспериментальной камере. *Психологический журнал*, 2009, том 30, №4.

[4] *Лефевр, В.А.*. Лекции по теории рефлексивных игр.- М.: «Когито-Центр», 2009.- 218 с.

свои личные цели, не должен наносить ущерб группе как целому. Таким образом, действия, выгодные для субъекта, но не выгодные для группы, являются неприемлемыми. Важно заметить, что этот принцип не запрещает действия, направленные против интересов группы или общества, если лицо, их совершающее, не получает никакой личной выгоды.

Принцип запрета эгоизма играет в теории рефлексивных игр примерно ту же роль, какую играет принцип гарантированного результата в классической теории игр. Теория рефлексивных игр позволяет предсказывать выборы субъектов, входящих в группу, если нам известен граф отношений между субъектами и их воздействия друг на друга.

Другим важным направлением в развитии моделирования в контексте неклассической научной рациональности явились *экспертные системы* как вид математических моделей процедур принятия решений, адекватен представлениям парадигмы «субъект – субъект». Они выступают как средство формализации личного опыта и передачи его другим пользователям с обеспечением возможности идентификации автора знаний и процедур их получения. Главная причина, затрудняющая широкое использование экспертных систем, связана с тем, что принятые в них механизмы представления знаний адекватны частным случаям таких представлений и не соответствуют многообразию форм представления знаний, используемых человеком.

Получили также широкое распространение модели *диалоговых процедур* в системах управления, прежде всего в связи с тем, что классическая кибернетика и исследование операций мало что дали для решения одной из важнейших управленческих проблем - целеобразования. Выход из указанного положения специалисты по компьютеризации управленческой деятельности стали связывать с передачей этих функций самому лицу, принимающему решения, обеспечивая ему "естественные" условия диалогового взаимодействия с ЭВМ.[1]

Приведем пример развития моделирования в рамках парадигмы «субъект – субъект» в управлении экономическими системами. Нобелевская премия по экономике в 2005 году дана «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр». На наш взгляд, работы лауреатов премии вносят существенный вклад в становление парадигмы «субъект-субъект» в управлении экономическими системами. Т. Шеллинг предложил новый

[1] *Брябрин В.М., Поспелов Д.А.* Проблемы построения диалоговых систем для общения с системами искусственного интеллекта // Человеко-машинные системы. М., 1977. С.3-17.

тип точек равновесия, которые в описании игры формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Шеллинг назвал такие точки равновесия – *фокальными точками*. Шеллинг был, вероятно, одним из первых, кто заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента какой стратегии игрок будет следовать – иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить *стратегический* характер (Schelling, 1985). Исходная установка Д. Ауманна состоит в том, что равновесие в экономических отношениях понимается как предельный результат сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, то есть максимизирующим возможное благосостояние всех участников. Принципиальным вкладом Ауманна в науку является понятие «общего знания». Важно отметить, что Ауманн допускал интерпретацию «общего знания» не как нормативного (как то, что игроки должны знать о тех или иных аспектах игры), а как позитивное – описание того, что они знают в каждый конкретный момент игры. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ рефлексивные процессы имеющие место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений.

В контексте неклассической научной рациональности мы ограничились рассмотрением отдельных видов моделирования адекватных парадигме «субъект – субъект», очевидно, что состав такого рода моделей намного шире рассмотренного нами.

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигмы «субъект – субъект» основные механизмы управления связаны с воздействиями на активных субъектов: психологические, экономические, организационные, правовые и др. Особое значение приобретают рефлексивные процессы и рефлексивное управление.[1]

Управление в контексте постнеклассической научной рациональности

Философский уровень анализа

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и

[1] *Лепский В.Е.* Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. №1. С.6-33.

целями, решается задача их соотнесении с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности.

В контексте постнеклассической научной рациональности происходит трансформация философского конструктивизма, который сохраняет свое значение и в данном виде рациональности. При этом существенно «смягчается» радикализм философского конструктивизма, усиливается акцент на коммуникативных процессах формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы.[1] Она мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с не-рефлексируемыми и “непрозрачными” процессами собственной психики.

Свобода понимается не как выражение проективно-конструктивного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который управляется и контролируется, а как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня. Важно подчеркнуть, что принятие не означает простого довольствования тем, что есть, а предполагает взаимодействие и взаимное изменение. При этом речь идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия.

Подобной онтологии человека соответствует новое понимание отношения человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным ученым Н.Н. Моисеевым[2], идея ко-эволюции. Совместная эволюция природы и человечества может быть истолкована как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге, погруженных в общую среду.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Постнеклассическая научная рациональность предполагает введение в контекст научных исследований и проблематики управления *«полисубъектной среды»*, на фоне которой они проводятся. Среды, которая включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей

---

[1] *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С.46-47.
[2] *Моисеев Н.Н.* Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998, N8.

мирового культурного развития; среды, которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система. Ключевыми для теории управления в рамках постнеклассической науки становится *парадигма «субъект – полисубъектная среда»* и *парадигма «саморазвивающиеся полисубъектные среды»***.** В рамках этих парадигм базовыми становятся субъектно-ориентированный и средовой подходы, которые определяют новые требования к видам, механизмам и моделям управления.[1]

Базовые объекты управления. В контексте данной научной рациональности базовыми объектами становятся «человекоразмерные саморазвивающиеся системы», которые характеризуются прежде всего открытостью. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой ("опыт" предшествующих взаимодействий). К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, сложный развивающийся комплекс: человек - технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию и др.[2]

Базовый научный подход. В контексте данной рациональности базовые научные подходы к управлению «человекоразмерными саморазвивающимися системами», должны быть ориентированы на гармонию каузального (причинно-следственного) и телеологического (целевая детерминация) видений будущего и развития:

- парадигма саморазвивающихся систем;[3]
- синергетический подход;[4]
- проблематика управления сложностью;[5]
- субъектно-ориентированный подход;[1]

---

[1] *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. − М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 280 с.

[2] *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии 2003, № 8. С.5-17.

[3] Там же.

[4] *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФ РАН, 1999. – 203 с. *Капица С. П. Курдюмов С.П., Г. Г. Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. *Изд. 2-ое. М.: Эдиториал УРСС, 2001, - 288 с. Буданов В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд.-3-е доп.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 240 с.

[5] *Аршинов В.И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности / Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. С.52-73.

– гуманистические варианты философского конструктивизма;[2]
– средовой подход (рефлексивно-активные среды);[3]
– трансдисциплинарный подход (методологическая трактовка).

Эти подходы находятся в стадии развития и поиска объединяющих парадигм способствующих их взаимной конвергенции. Высокая методологическая сложность соорганизации этих подходов дает основание утверждать, что в рамках традиционно сложившихся представлений о междисциплинарной коммуникации едва ли удастся достигнуть значимых результатов. Актуальными становятся проблемы, решение которых предполагает выход за пределы отдельных дисциплин и привлечение внешних специалистов вооруженных принципиально другими типами знаний и специальными социогуманитарными технологиями. Важнейшими функциями этих внешних специалистов становятся:

– коммуникативная, обеспечение эффективной коммуникации субъектов;
– репрезентативная, обеспечение рефлексии субъектов;
– онтологическая, связь субъекта познания с реальностями бытия;
– интегративная, интеграция пространства знания.

Реализация этих функций требует построения выходов субъектов знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения их позиций соответствующим трансдисциплинарным инструментарием. Традиционно сложилось, что такую позицию берут на себя представители философии и методологии. Вместе с тем следует отметить, что особое значение в реализации такого рода функции приобретает культура, задающая общее пространство, в котором представлены все научные области знаний.[4]

Рассмотренные соображения дают основание утверждать, что в контексте постнеклассической рациональности базовым научным подходом должен выступить трансдисциплинарный подход в его методологической трактовке. Как следствие перед философами встает

---

[1] *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. –204с. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 280 с.

[2] *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С.46-47.

[3] Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 240 с. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития –М.: Когито-Центр, 2010. С. 226-245. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

[4] *Буров В.А., Лепский В.Е., Рабинович В.Л.* Культурные медиаторы в постнеклассической науке // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито"Центр», 2007. С.16-17. http://www.reflexion.ru/Library/RPC-2007-Tezis.pdf

ряд новых проблем, не только методологических и теоретических, но и практико-ориентированных.

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. В настоящее время области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в становлении.

Кибернетика третьего порядка могла бы сформироваться на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам». При этом управление плавно трансформировалось бы в широкий спектр процессов обеспечения саморазвития систем: социального контроля, стимулирования, поддержки, модерирования, организации, «сборки и разборки» субъектов и др. В настоящее время институционализация данного направления отчетливо не проявляется.

Попытки заглянуть в будущее кибернетики XXI века предпринимаются в США, в частности, Стюартом Амплеби (S.Umpleby)[1], который предлагает направление *социальной кибернетики*. Однако в этом подходе доминируют представления кибернетики второго порядка и неклассической научной рациональности.

В России предпринимаются попытки институционализации *синергетики* как области знания ориентированной на обеспечение проблематики саморазвивающихся систем. Основоположник введения типов научной рациональности В.С. Степин четко определяет свою позицию по этому вопросу: «Я разделяю и отстаиваю точку зрения, согласно которой синергетика выступает научным знанием о саморазвивающихся системах».[2] Вместе с тем он признает и онтологическую ограниченность синергетики: «Идеализация нелинейной среды является одним из ключевых теоретических конструктов синергетики. Этот конструкт используется во многих конкретных теоретических моделях самоорганизации, относящихся к самым различным областям (физики, химии, биологии, исследования социальных процессов). Но его онтологизация имеет свои границы».[3] Учитывая, что Степин под саморазвивающимися системами понимает и «человекоразмерные», говорить об институционализации синергетики как базовой области знания для данного класса систем в настоящее время преждевременно. Пока синергетика не интегрируется с

---

[1] *Stuart A. Umpleby* A history of the cybernetics movement in the united states. Research Program in Social and Organizational Learning. The George Washington University Washington, DC 20052 USA. http://www.gwu.edu/~umpleby/cybernetics/index.html

[2] *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии 2003, № 8. С.5-17.

[3] Там же.

субъектно-ориентированным подходом, она не сможет учитывать специфику «человекоразмерности» саморазвивающихся систем и выйти за рамки каузальной детерминации.

В целом следует признать, что сегодня в России не предпринимаются серьезные попытки институционализации базовых областей знания обеспечивающих проблематику управления в контексте постнеклассической науки. Однако активно ведутся исследования в направлениях предопределяющих их будущее. В частности, развитие субъектно-ориентированного подхода, синергетики, проблематики сложности, трансдисциплинарной методологии и др. Важно отметить сложившуюся в России взаимосвязанность этих исследований на основе инициативной координации ученых и практиков, что может способствовать стимулированию процессов конвергенции и выработки объединяющих парадигм. При смене ориентиров в стране на интенсивное развитие, Россия имела бы шанс стать мировым лидером в данной проблематике.

Тенденции доминирование в XXI веке проектной ориентации в развитии социальных систем допускают вариант институционализации области знания обеспечивающей проблематику управления не только в рамках кибернетики, но и в рамках развития *социогуманитарной эргономики*.[1] В настоящее время эти идеи обсуждаются в кругах специалистов по эргономике, однако при переходе страны на путь интенсивного развития есть шанс становления этой области знания. Тем более что в XX веке накоплен богатейший опыт эргономического обеспечения в проектировании крупномасштабных конкурентоспособных на мировом уровне систем.

Учитывая, что базовым научным подходом в постнеклассической научной рациональности становится трансдисциплинарный подход, философия могла бы претендовать на роль ведущей области знания в организации и управлении саморазвивающимися человекоразмерными системами. Конечно, не в целом философия, а ее специализированное направление. Реалии управленческой практики XXI века дают основания для формирования прикладной философии.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их развития. Фактически доминирующими видами управления становятся

[1] *Лепский В.Е.* Социогуманитарная эргономика стратегического проектирования российского развития / Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В. А. Бодрова. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 351-368.

разнообразные «*виды управления через среду*». В частности, к ним следует отнести управление «мягкой силы», управление посредством создания хаоса, управление сложностью, управление через «задание механизмов функционирования среды», управление «*через механизмы сборки субъектов*», управление «через социальные сети» и многие другие виды управления. Следует отметить, что новые виды управления адекватные постнеклассической рациональности рождались в основном не под влиянием кибернетике, а под влиянием других областей знаний (экономика, социология, политология и др.).

В политической сфере наряду с традиционными видами управления через силовое и экономическое воздействия все большее внимание уделяется управлению посредством «мягкой силы».[1] Ценности и культура рассматриваются как один из компонентов мягкой силы, с помощью которой можно оказывать влияние на субъектов мировой политики, пусть даже не обладая достаточной экономической и военной мощью. К этому же виду управления относится управление посредством создания хаоса.[2] В последние годы все более широко используется вид управления через социальные сети.[3]

В управлении экономическими системами также начинают широко использоваться виды управления через среду.[4] Приведем пример Нобелевской премии по экономике за 2007 год - «За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов». Лауреаты: виц (*Leonid Hurwicz),* Эрик Маскин (*Eric S. Maskin),* Роджер Брюс Майерсон (*Roger Bruce Myerson).* Речь идет о теоретическом осмыслении следующей задачи. Тот, кто придумывает механизм, знает, что хотелось бы получить при определенных обстоятельствах, однако сами обстоятельства ему неизвестны. Добросовестный создатель механизма пытается придумать единые правила игры на все случаи жизни, чтобы каждый раз получалось именно то, что он хочет. Л.Гурвиц предложил исследовать децентрализованные рыночные механизмы — и для того, чтобы понять,

---

[1] *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. - М.: Тренд, 2006. −397с.

[2] *Лепский В.Е.* Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, N4. С.69-78. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf

[3] *Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А.* Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием. Политика и общество, № 1, 2012, с.65-75.

[4] *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. − М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308.

как и почему реальные рынки собирают и передают информацию, и для того, чтобы можно было создавать специальные механизмы для решения конкретных проблем. Эти работы четко ориентированы на парадигму «субъект - полисубъектная среда» в управлении экономическими системами.

Древние примеры мягких видов управления через среду связаны с деятельность культовых организаций, в которых использовались комплексы видов управления, включающие виды управления соответствующие всем типам научной рациональности. В результате воздействия этих видов управления формировался совокупный субъект с заранее предопределенными свойствами. Фактически этот вид управления осуществлялся в значительной степени через механизмы сборки субъектов. Именно поэтому современная система законодательства оказалась практически бессильной в запрете культовых организаций.[1] Приходится признать, что древняя культура управления порой опережает современную научную культуру управления.

Базовые модели в управлении. В рамках рассмотренных парадигм одним из основных типов управления становится *полисубъектное управление***.** Исходные посылки и рефлексивные модели полисубъектного управления были впервые сформулированы В.А.Лефевром.[2]

В контексте постнеклассической рациональности базовым подходом при моделировании социальных систем становится использование человека для моделирования отдельных активных элементов системы. Это обуславливается необходимостью преодоления двух проблем, неразрешимых в рамках формального подхода. Во-первых, организация на основе рефлексии субъектов «распределенного наблюдателя» социальной системы. Во-вторых, решение проблемы сложности социальных систем за счет организации адекватных ситуациям рефлексивных процессов реальных людей, включенных в игровую модель как в «человекоразмерную среду».

Попытки включения человека в различные типы моделей социальных систем имеют давнюю историю: деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры и др. Общим для всех указанных типов игр было то, что они соответствуют неклассической рациональности. Доказательством этого утверждения являются базовые основания их организации.

---

[1] *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. №2. С.59-72.
[2] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1968.

Деловые игры базируются на организации имитационного (игрового) моделирования конкретных условий и динамики производственной *деятельности.* Моделирование деятельности – основа деловых игр.

Ролевые игры базируются на организации взаимодействия участников, которые действуют в рамках выбранных ими *ролей*, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия; вместе создают или следуют уже созданному сюжету. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Моделирование ролей – основа ролевых игр.

Организационно-деятельностные игры (связаны с именем Г.П. Щедровицкого) базируются на организации схемы сложной пространственной *соорганизации коллективного мышления и действия* (мыследеятельности). Моделирование коллективного мышления (мыследеятельности) – основа организационно-деятельностных игр.

Варианты использования других типов игр для моделирования социальных систем с включением человека строились в той или иной степени на основе трех упомянутых выше типов игр.

Выделенные базовые основания деловых, ролевых и организационно-деятельностных игр позволяют сделать вывод, что они не вписывались в контекст постнеклассической рациональности, поскольку в них отсутствовала ведущая ориентации на исследование, моделирование и организацию субъектов, включая рефлексивные процессы и ценностные ориентации, их связь с культурой и др.

Для адекватного ответа на заполнения белого поля моделей, соответствующих требованиям постнеклассической рациональности нами предлагается введение нового типа моделей соответствующих требованиям постнеклассической рациональности – ***стратегические рефлексивные игры***[1]. Речь идет о создании «человекоразмерных» рефлексивно-активных сред[2] динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные

---

[1] Понятия рефлексивных игр связано с именем В.А. Лефевра, которое он ввел еще в 60-е годы прошлого столетия. Он понимал под ними исключительно математические модели. Фундаментальное развитие математической теории рефлексивных игр сделано в работе: *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. -М.: «Когито-Центр».- 208 с. Для сохранения трактовки Лефевра за понятием рефлексивные игры, мы вводим понятие стратегические рефлексивные игры.

[2] *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития –М.: Когито-Центр, 2010. С. 226-245. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем.[1]

Структура базовых принципов и онтологий организации рефлексивно-активных сред в контексте создания динамических моделей сред инновационного развития рассмотрены нами в монографии «Рефлексивно-активные среды инновационного развития».[2]

Тенденции перехода к исследованию полисубъектных сред в экономике отчетливо просматриваются и экономике через анализ Нобелевских премий. Лауреат премии 2002 года Вернон Ломакс Смит (*Vernon Lomax Smith),* награжден за лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов. Фактически речь идет о моделях экспериментальной экономики. В работах В. Смита просматривается в управлении экономическими системами парадигмы «субъект – полисубъектная среда», через использование экспериментальных (игровых) моделей с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов.

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигм «субъект – полисубъектная среда» и «человекоразмерные саморазвивающиеся среды» основные механизмы управления связаны с воздействиями через среды. В центре внимания оказываются ценности, культура, механизмы сборки и разрушения совокупных субъектов (макросубъектов), механизмы целеобразования и др.

Заключение

Рассмотрение эволюции представлений об управлении в контексте научной рациональности позволило сформировать целостное видение процессов формирования представлений об управлении и выявить тренды развития.

В начале XXI века доминирующими становятся парадигмы «субъект – полисубъектная среда» и «человекоразмерные саморазвивающиеся системы».

Если в контексте классической и неклассической научной рациональности базовыми областями знаний, обеспечивающими проблематику управления, были классическая кибернетика и кибернетика второго порядка, то в контексте постнеклассической науки

---

[1] *Лепский В.Е.* Методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред / Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – С.128-146. http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf

[2] Там же. С. 137-163.

центры развития проблематики управления перемещаются в философию, синергетику, политические и экономические науки, социогуманитарную эргономику и социальную кибернетику.

В контексте научной рациональности четко просматривается и эволюция видов управления от классического управления к «мягким» видам управления через социальные среды. Принципиальные изменения происходят и в моделях управления, особенно яркие изменения в макромоделях социальных систем - от доминирования математических моделей к человекоразмерным моделям с широким использованием математических моделей.

К ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ: РЕФЛЕКСИВНЫЙ ОПЫТ А.А.БОГДАНОВА

А.В.Коврига

Харьковский национальный университет им.В.Н.Каразина,
Директор центра междисциплинарного прогнозирования общественного развития, кандидат экономических наук

Ареал мысли, созданный Александром Александровичем Богдановым (Малиновским) уникален и огромен. Наиболее принципиальное и точное отношение к этому интеллектуальному наследию может быть выработано в его соотнесении с современной мировой повесткой дня. Какие проблемы, сформулированные А.А.Богдановым столетие назад, наиболее остро резонируют текущему историческому моменту? Какие предметы подвергнуты наиболее глубокой рефлексии? Что этот опыт рефлексии может дать нам в осознании современной ситуации, в стратегической навигации и обеспечении/построении практики развития?

Мы полагаем, что главным содержанием совокупного интеллектуального действия А.А.Богданова, пронизавшего его основные труды, стали *организация рефлексии целого, поворот общественного сознания к рациональному проектированию нового мира.* Беспрецедентная задача представления мира будущего, построения развивающего проектно-конструктивного отношения к миру, интеллектуально-инструментального обеспечения *организации будущего* – выступила ключевым сверхзаданием, сутью его творчества.

Сегодня, когда основную «рефлексивную» повестку дня задаёт мировой кризис, вопрос о возможности позитивного конструктивного отношения к происходящему, о возможности развивающего действия, также как и в начале XX века, всецело связан с *перспективой целостностного мировосприятия, с вопросом о социо-культурных и когнитивных (эпистемологических) условиях «тектологической рефлексии»* – выделением реального организационного устройства и разработкой единой познавательной (и проектной!) картины мира. Пятый год мирового кризиса сопровождается демонстрацией

отсутствия у человечества и «ведущих обществ» подобной рефлексии. «... Во всех сферах жизни социального целого дезорганизационный момент нарастает, принося, в своих бесчисленных проявлениях, коллосальную и постоянно прогрессирующую растрату социальной энергии. Этим ставится *тектологическая задача нашей эпохи*» [1, с.289].

А.А.Богданов сформулировал беспрецедентный комплекс научно-практических исторических задач *сознательного управления развитием*. «Среди грандиозных технических и научных переворотов, среди жестокой социальной борьбы происходит незаметно для большинства наших современников тот глубочайший и самый общий кризис идеологии, которому нет подобного в прошлом. Это не простая смена старых идеологических форм новыми, какая наблюдалась в прежних кризисах. Нет, это – преобразование сущности идеологии, всего её жизненного строения, законов её организации... Идеология вообще, в её самых разнообразных и противоположных проявлениях,– становится не тем, чем она была раньше, и эта революция, может быть, наиболее поразительна из всех, подготовляющих новую фазу жизни человечества» – писал он в 1905 году [2].

Типологическое сходство культурно-исторической ситуации, подчёркивает глубину и фундаментальность, социо-культурный статус рефлексии и мировых задач Богданова – современное общество также переживает интенсивнейшую трансформацию, не ясна будущая организация общества и мира, адекватная восходящему тренду мирового развития. «Способы мышления» по прежнему – «самая консервативная сторона человеческой природы», а *науки «развиваются» вне связи с вопросом о мировом развитии*: «[п]о своему миропониманию, мироотношению, способам мышления, наука не подготовлена к решению новых задач» [1, с.308-309]. Специализированная, «цеховая форма современной науки играет роль мощного оборонительного сооружения» незыблемости существующего уклада – препятствует широкой критической рефлексии и культурно-исторической квалификации современности, открытой постановке «мирового организационного вопроса». Мировое разделение интеллектуального и организационного труда, действующая «система рефлексии» и производства знания не ориентированы на решение задач преодоления кризиса. Порождаемые ими представления, не служат развивающим действиям. Большинство наук развивалось без связи с вопросом о *мировом хозяйственном плане* – они обслуживали лишь два типа организаций – частные хозяйства (в т.ч. корпорации) и национальные государства. Миро-системный подход И.Валлерстайна – первичная попытка преодоления данного эпистемологического

фетишизма. Производственно-организационная обособленность, разделение труда и знания – явление мирового масштаба, поэтому и тектологическая задача преодоления анархии, кризиса, действие развития, должны охватывать весь «мировой коллектив».

Онаучивание (рационализм Провещения, позитивистский «научно-технический прогресс») и интенсивное либералистско-центристское капиталистическое дисциплинирование [4] практически всех сфер культуры в XIX-XX вв. привели к раздроблению, гиперспециализации интеллектуального труда и всей инфраструктуры знания. Роль этого момента в мировой истории сегодня широко рефлектируется в миро-системном подходе [3], в движении построения «постнеклассической науки». Задачей «Тектологии» А.А. Богданова было преодоление замкнутости специальных наук, новый синтез на основе универсальной методологии познания и организующего действия – с тем, чтобы сделать бытие современного человека целостным, осмысленным, аксиологически оправданным, культурно-исторически значимым и цивилизационно идентичным. Мировая организационная задача посильна только «мировой строительной науке», способной скомбинировать в целостную связь средства производства, рабочие силы человечества, его понятия и идеи. «Эта наука должна быть учением о планомерных комбинациях всех возможных элементов мировой практики и познания: *всеобщая организационная наука*» [1, с.310]. Она призвана целостно и планомерно собрать в единую систему коллективно организованного производства технику, экономику, идеологию. Постановка и решение мировой организационной задачи потребует собирания, оформления и обобществления когнитивного и организационного опыта человечества. Поэтому для продвижения дела мирового развития необходима новая мировая инфраструктура знания.

Важнейшим условием выхода к развитию является преодоление «дробления» и антропологическая революционная «пересборка» целостного человека. А.А. Богданов впрямую связывает «дробление человека» – с процессами специализации, дезинтеграции и «дробления мира», – специальное мировоззрение это результат специального опыта [1, с.33, 35]. Современность для него это эпоха «собирания человека», превращение «человека-дроби» в «человека-целое». Задача «собирания человека» состоит в *смене типа развития* и переходе – от «дисгармонического развития человечества раздробленного» к гармоническому развитию – человечества объединённого [1, с.45].

Собирание обеспечивается посредством складывания и освоения общих методов познания, новой инфраструктуры знания, поддерживающей широкие возможности творчества, конструктивного освоения и преобразования наличной организации общества и

институциональной среды. Здесь: проблематика «сборки субъектов развития» – новая редакция вековых вопросов – чтобы преодолеть организационную, когнитивную и технологическую частичность современный человек должен пересамопределиться и осознать себя в качестве целостного, космического существа, прямого участника мировых задач и универсального исторического процесса.

В контексте многовековой институционализации антиисторической антропологии важнейшее условие выхода к тектологической рефлексии – принцип историзма: историческое измерение идеологического процесса; рассмотрение мышления человечества как развивающегося целого; принцип свободы – дефетишизация мировоззрения.

Проективный пафос, надежда на проектирование [5] – были важнейшей характеристикой всей новоевропейской цивилизации, но намеченный А.А.Богдановым поворот *от научного освоения* к *проектному-технологическому,* связан с переворотом в понимании *сил развития* и *новой трактовкой способа знания* – эпистемологических возможностей в постановке и решении мировых организационных задач преодоления анархии: переходом от проектно-технических усилий частичного, «дробного человека», в рамках доминирования неорганизованных меновых отношений и принудительного нормирования обществ, где «анархия целого господствует над организованностью частей» [1, с.61], – к господству *норм целесообразности*. Переход от стихийного развития, где основная масса сил растрачивается на борьбу между людьми, к развитию сознательному – где общение ставит всё новые и новые вопросы и задачи, порождает возможности непрерывного обновления опыта каждого, где «гармоническое объединение коллективных сил даёт каждому возможность вступить в общую борьбу против стихийной природы с уверенностью в победе – там не может быть вопроса о стимулах развития» [1, с.45]. Потребуется преодоление ныне господствующего фетишизма эгокультуры и рыночно-меновых международных отношений (воплощённых, среди прочего, в институтах ООН); выработка новых норм целесообразности межобщественного и межцивилизационного взаимодействия в деле совместного решения мировых задач и соразвития. Рефлексивный опыт Богданова, взятый сегодня в его вековом горизонте и для дела развития, подчёркивает стратегическую необходимость смены объектов и типов рефлексии.

Литература

1. *Богданов А.А.* Вопросы социализма: работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.
2. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. Кн. III. – СПб., 1906. – С. III-IV.

3. *Wallerstein Immanuel.* The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789-1914. University of California Press, 2011. – 396 p.
4. *Коврига А.В.* Капитализм и рефлексия: к проблеме институциональной инфраструктуры знания// Рефлексивные процессы и управление. Сб. Матер. VIII межд. симпозиума. – М.: Когито-Центр, 2011. – С.117-120.
5. *Maldonado Tomas.* (1972). Design, Nature and Revolution: Toward Critical Ecology. English edition. New York: Harper & Row, 139 pp.

СОВРЕМЕННАЯ ЭЛИТА КАК СТРУКТУРА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

А.Е. Левинтов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат географических наук

Понятие «элита» восходит к спартанскому слогану elte el elite – «со щитом или на щите». Элитой изначально называли, стало быть, героя, мужественно и самоотверженно погибшего в бою. Стать элитой можно было только посмертно. Это пафосное значение в наше омерзительное время достойно возрождения и противостояния им тому, что мы теперь называем «элитой».

Это исходное положение понятия «элита» предполагает: цель Бога (или богов) не в совершенствовании мира, а в совершенствовании человека, которое достигается человеком в борьбе и противостоянии несовершенству мира (в современной интерпретации – сильный антропный принцип космогенеза). Исходя из этого принципа элитности вытекает два важнейших свойства элиты:

- **элита – носитель смысла (смыслов) бытия**
- так как порочность овладевает в первую очередь имеющими власть (по мнению Платона, Л. фон Хайека[1] и других авторитетов), то **элита избегает и противостоит власти.**

Принадлежность к элите вполне соответствует понятию героя в терминологии В. Лефевра, так как предполагает альтруизм, нестяжательство и отсутствие личных корыстей или тщеславных целей

Элита не только собирает смыслы бытия – она формирует из них целостную картину мира, онтологию, задаваясь вопросами, выходящими за рамки их жизни и современного им общества. И эта онтологическая работа – часть, важная грань рефлексивного управления, осуществляемого элитой. Вопрос Платона «Каким должен быть мир, чтобы в нем была невозможна казнь Сократа?» стоял перед

[1] «у власти оказываются худшие» Хайек Л. фон – Дорога к рабству. «Новый мир», М, 1991, №8.

Платоном всю его жизнь и не разрешен до сих пор, поскольку Сократов продолжают казнить.

В четвертой книге «Законов» изложена универсальная формула платоновской философии избранности: **«…мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство (т. е. массы), но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни»**[1]

Элита, по мнению Платона, универсально относится к законам, заповедям и правилам, следуя им всем, а не избирательно следуя тому, чему хочется и можется следовать.

Кто-то в свое время весьма остроумно заметил: «История – это кладбище политических элит». На этой мажорной ноте и будет разворачиваться всё дальнейшее размышление.

За исключением очень тонкого, гонимого и преследуемого, тщательно выкорчевываемого слоя творческой элиты, в течение почти века в стране господствовала охлократия и ее представители (от Ленина до Путина, без единого исключения). Места для элиты просто не было. Однако сегодня, если Россия надеется войти в исторический процесс, ей нужна институционализация элит, без которых вхождение в глобальные процессы более чем сомнительно[2]. **«…если в том или ином обществе уничтожаются и «выбиваются» элитные группы и особи, происходит деградация всего общества, прежде всего, его культуры»[3].**

На этом фоне современная российская бизнес-«элита» выглядит не самым лучшим образом[4].

Россия исторически, на протяжении всей своей истории, была и остается страной с доминантой политических, властных отношений, в отличие от стран западной цивилизации, где, начиная с 16-17 вв. господствуют экономические, рыночные отношения. С этой точки зрения Россия, с одной стороны, остается феодальным государством, а с другой – типично азиатской страной. Практически уже два века «прозападная» партия (в 19 веке она так и называлась – «западники») находится в меньшинстве и в оппозиции к византийско-азиатско-патриархально-консервативной партии, которая никогда, даже в ходе революции 1917 года, не теряла своей власти и в открытую обвиняла прозападную партию в предательстве.

---

[1] Платон – Законы. Сочинения, т. 3 (2), М., Мысль, 1972, стр. 83-469.

[2] *Китов Ю.В., Гертнер С.Л.* Элита и интересы. МГУ культуры и искусств. М., 2004, 166с.

[3] *Кошелева А.В.* Современные теории и концепции элитаризма. М., деп. ИНИОН, 2006, 29 с.

[4] *Паутов А.А., Вершигорова Т.П.* Элита и элитогенез. М., 2000, 126 с.

Таблица 1.

Моральный выбор и «юзерские» ориентации в современном российском социуме (%)

	Верхний слой	Средний слой	Нижний слой	Бедные
Чтобы преуспеть, надо перешагнуть через некоторые нормы морали	54.3	40.5	27.5	13.6
Я лучше не достигну успеха, но не пойду вразрез с совестью	45.7	59.5	72.5	86.4
Необходимость владения компьютером	70.5	47.1	33.8	29.1
Необходимость владения иностранным языком	45.8	24.0	14.0	14.1

Эта странная ситуация, когда одним хочется держать скипетр и корону, восседая в «мерседесе», а другим видится собственное светлое будущее как нынешнее серое настоящее западной цивилизации, является по сути неразвязываемой завязкой драмы под названием «Россия».

Попытки внедрения западной, рыночной экономики были бы самоубийственны для российской государственности, если бы не чрезвычайная способность ее экономики мимикрировать под что угодно в угоду этой государственности.

Если в западных странах вступление во власть – следствие преодоления некоторого экономического и образовательного ценза, то в восточных (от стран Магриба до Центральной Азии), в том числе и в России, власть нужна для приобретения богатства и «ума», что делает жажду власти и жажду удержания власти неутолимой: здесь нет пределов.

Политизированность российского общества выражается еще и в том, что в российской ментальности первой ассоциацией со словом «элита» неизменно оказывается «политическая», а все остальные рассматриваются скорее как метафоры. Это же толкает представителей всех остальных элит в политическую элиту, во власть. По количеству спортсменов, писателей, артистов, ученых, представителей всех других элит выборные органы власти Россия несомненно – один из мировых лидеров.

Государство со множеством или несколькими центрами власти (полиархия)[1] предполагает несколько независимых политических элит (исполнительная, законодательная, судебная, региональная). У нас сильна тенденция к приватизации власти на всех уровнях иерархии, что чревато: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы»[2]

Причины неблагополучного состояния государства и общества сформулированы в работе[3]:

- единство легальной и теневой экономики
- сращивание власти и собственности
- доминанта авторитарных принципов и методов подбора и расстановки кадров
- духовный кризис общества
- падение нравственно-этических и социо-культурных факторов в регулировании общественных отношений.

В мире существует две основных модели рекрутирования элиты: гильдейская и антрепренерская. В мировой практики обе эти модели, как правило, сочетаются, взаимно компенсируя недостатки каждой из них.

Для *антрепренерской модели* характерны:

- открытость и доступность для представителей разных слоев и групп общества
- ограниченный набор институализированных фильтров и требований
- участие в отборе всех избирателей
- высокая степень конкурентности при отборе среди претендентов
- ориентация на личные качества претендентов

Недостатки этой модели – непредсказуемость курса, риски популизма и непрофессиональности претендентов, повышенная конфликтность.

Гильдейская модель менее демократична:

- она закрыта и малодоступна для нижних социальных слоев
- отбор проводится по очень широкому кругу показателей и многоступенчатым фильтрам (как это было НСДАП и КПСС)

---

[1] Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского / Под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000.

[2] Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978.

[3] Батраева О.Б. – Социальные механизмы воспроизводства и рекрутирования современной российской политико-административной элиты. Автореф. дис. канд. соц. наук. Саратов, Саратовский ГТУ, 2002, 18 с.,стр.8

– узкий и заранее очерченный круг «селекционеров»
– бюрократичность
– риск воспроизводства правящей\действующей элиты

Западный истеблишмент рассматривает государство как корпорацию[1], Ltd, как организацию с ограниченной ответственностью, где собственники (избиратели и налогоплательщики) делегируют функции управления или властные функции, но при этом, благодаря Конституции и законам, гарантируют для себя порядок, безопасность и реализацию своих гражданских прав и свобод. В России корпоративность государства в принципе весьма затруднена.

Власть всегда сопряжена с насилием, принуждением, ограничением[2]: в этом самоценность власти, как и деньги представляют собой самоценность. Власть, всегда и любая власть, диффузна и стремится выйти за отведенные ей рамки, даже и особенно в тех случаях, когда эти рамки установлены ею самой. Агрессивная природа человека толкает его к власти, но именно по этой причине подлинная элита вынуждена избегать власти и по той же причине всякая политическая и властная элита – всего лишь «элита». У любого человека есть его естественное и неотъемлемое право и властвовать, и подчиняться власти, и уклоняться от подчинения власти. Для охраны свободы человека существуют законы, благодаря которым он легально осуществляет свой выбор из этих трех решений, легально выражает свое согласие или несогласие, легально вступает во власть.

Фискальные, карательные и вообще репрессивные функции государства отвратительны, но необходимы. Тезис К. Маркса о необходимости отмирания государства представляется вполне справедливым и поддерживается многими, прежде всего, элитами. Надо полагать, что это отмирание начнется или уже началось с отмирания репрессивных функций и органов в пользу самоуправления и самоорганизации, вплоть до налогового самообложения, в превращение государства из машины насилия в сервис.

Помимо уже названной в самом начале функции порождения смыслов бытия, элита выполняет еще несколько функций, а именно:

Время течет непрерывно, истории свойственно зависать, когда ничего не происходит и не меняется. История движется толчками – и эти толчки осуществляются элитой.

Так сложилось, что в российской истории, начиная с середины 17 века, то есть почти четыреста лет, самой мощной, с точки зрения исторической тектоники, была литературная элита. Все началось с

---

[1] *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
[2] *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2001.

протопопа Аввакума, первого русского писателя, создавшего современный самостоятельный (не переводной с немецкого, как у Ломоносова) русский язык и русскую словесность и одновременно религиозный лидер, за которым пошла, несмотря на гонения и мученические смерти, треть православной России. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева действительно оказалось пуще пугачевского бунта – редкий случай, но тут Екатерина II оказалась права. В реальности Пушкин раболепствовал перед Николаем I (что в конце концов и погубило поэта), но Пушкин не только создал русскую поэзию – он до сих пор остается олицетворением противостояния самодержавию и рабству. Достоевский и Толстой дали для нравственного развития общества, для самоосознания и самоидентификации русских в мире более всех, но один пережил собственную казнь и десять лет «Мертвого дома», а другой был отлучен от церкви.

Михаил Булгаков («Мастер и Маргарита»), Александр Солженицын («Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг Гулаг») и поэт Иосиф Бродский, каждый по своему, развенчали и растоптали коммунистический миф и советскую власть. Собственно, они и совершили перестройку и коллапс СССР, если говорить об эндогенных факторах развала страны и государства.

«В начале было слово» – в начале каждого поворота российской истории. И последнее, надгробное слово над этой страной и этим народом скажет когда-нибудь российский поэт или писатель.

В агрономии элитными считаются первые, образцовые, эталонные урожаи сельскохозяйственных культур и пород скота, всё дальнейшее – лишь репродукции, неизменно, на генетическом уровне, ухудшающие свои свойства и качества по сравнению с элитой.

В культуре происходит то же самое.

Элита – Писарро, Моне, Мане и другие отверженные художники – создали импрессионизм, принципиально новую живопись, живопись не внешнего мира, а внутреннего видения и переживания этого мира. Элита – Кандинский и Малевич – делают следующий шаг в живописи и от изображения чувств (импрессионизм) переходят к изображению мысли (абстракционизм).

Важно отметить, что образцы, формы и нормы, задаваемые элитой, не касаются содержания, прежде всего, тематического содержания. Строго говоря, все темы – вечные, и даже в таком всегда злободневном жанре как анекдот мы можем и в античности найти своего Чукчу и Василия Ивановича.

Элитность потому и элитность, что первое появление образцов, норм и форм воспринимается культурным пелетоном в штыки, как

нелепость, безобразие, ошибка, искажение, вызов, эпатаж – по ярости первого сопротивления можно судить о судьбе и масштабности нового.

Собственно говоря, создание новых образцов, норм и форм и есть преодоление существующей культуры, освобождение от культурного рабства, как писал Ф. Ницше, сам, благодаря своему безумию, пребывавшей за гранью допустимого и возможного. Еще неизвестно, что бы мы читали у Ницше, если бы его сестра не «отредактировала» его тексты.

Это очень странное сочетание свойств культуры: с одной стороны, она несомненно обладает кумулятивным свойством, и ничто в ней не пропадает («рукописи не горят»), с другой, она может жить, только обновляясь и переживая всё новые парадигмы. Неизменная культура окаменевает, превращается в музейные экспозиции и буквально немеет, как немеют чудом сохранившиеся остатки разоренных культур и цивилизаций Нового Света.

Культура жива обновлениями и потому, как нигде в другом месте, ей нужна элита.

Наличие в России многочисленных «элит», от политических до криминальных (при этом практически все «элиты»: властные, партийные. военные, церковные, шоу, СМИ и даже отчасти художественные, и криминальны и политичны). Причина, к сожалению, вовсе не в молодости нашего общества, а в том, что «в условиях современной России с ее коррумпированной элитой, выдающей себя за элиту заслуг, меритократия – призрачная мечта, которая перечеркивается неприличным для цивилизованной страны уровнем коррупции»[1]

Понятие меритократия – власти по личным заслугам было внесено в науку и политику еще в 50-е[2]. Как признавал сам М. Янг, это – еще не справедливость, но шаг к справедливости. К сожалению, меритократия всегда эфемерна и недолговечна. Здесь уместно вспомнить такие фигуры, как генерал Вашингтон и генерал Дуайт Эйзенхауэр (США), генерал де Голль, Бен Гурион (Израиль) и… список слишком короток.

Элиты умирают в массовидности – и потому так эфемерны и недолговечны:

- там, где возникает иерархия, появляется дихотомия «верха и низа», элиты и масс

---

[1] Ашин Г.К. Мировое элитное образование. М., МГИМО (У) МИД РФ, Анкил, 2008, С. 117.

[2] *Young M.* The Rise of the Meritocracy 1870-2033. An Essay on Education and Equality. Middlesex, England, 1968

– граница между массой и элитой динамична, что позволяет рекрутировать новую элиту и отвергать старую
– элита перестает быть элитой при потере отличия и контрастности от массы
– для массового элемента детерминация поведения социальна (ориентирована на внешнюю среду), для элитного – личностные качества (эндогенные факторы поведения)

Элита бессмысленна без гражданского общества, являясь ее стратой рефлексивного управления.

Элита – это та часть гражданского общества, которая в состоянии выйти в рефлексивную позицию относительно этого общества и самое себя и в этой рефлексии осуществлять проектирование или программирование будущего. Именно эта проспективная рефлексивная способность к заданию будущего отличает народ от публики, критически реагирующей в своей ретроспективной рефлексии на навязываемые ей сверху планы и проекты будущего, от «плана ГОЭЛРО» с его «цветущими коммунами» до «2020» со снятыми с потолка показателями. В свою очередь, публика отличается от толпы тем, что толпа («массы») вовсе лишена рефлексии и испытывает удовольствие от многократного наступания на грабли.

Элита – не социально, но рефлексивно высшая страта общества, что оправдывает ее управляющую гражданским обществом функцию.

Но именно гражданское общество в стране самым тщательным образом подавляется: создается прессовое и террористическое законодательство против оппозиции и любых проявлений самостоятельности и недовольства. Бюрократизируется вся сфера жизнедеятельности. Идея гражданского общества и коррупция несовместимы, но коррупция проела как ржавчина все поры государства и власти сверху донизу, что препятствует формированию этого общества. «Элита – высшая страта в любой системе социальной стратификации; ее основная функция – создавать ценности, образцы, на которые ориентируется развивающееся общество»[1]. Всему мировому опыту элитного образования Россия пытается противопоставить «массовое элитное образование» на Селигере.

На основании принципиальных различений понятий «власть» и «политика» может быть построена простейшая матрица:

[1] Ашин Г.К. Мировое элитное образование. М., МГИМО (У) МИД РФ, Анкил, 2008, 359 с.

Таблица 2.

Власть и политика – «пустая матрица»

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть		
Политика как множественность интересов		

Эта матрица вполне применима для обществ разных этических парадигм (по В. Лефевру):

- общество конфликтной этики (компромисс Добра и зла есть Добро; «со злом мирись, с грешником борись»; цель оправдывает средства)
- общество компромиссной этики (компромисс Добра со злом есть зло; «со злом борись, с грешником мирись»; цель не оправдывает средства).

Важно отметить, что каждого из этих двух типов обществ предлагаемая матрица будет иметь разное содержание.

Таблица 3.

Власть и политика: Общество конфликтной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	**Установление единоличной власти**	**Сведение политической системы к однопартийности и ст.6 Конституции СССР**
Политика как множественность интересов	**Ущемление всех не своих интересов, монополизация своих интересов как «государственных»**	**Власть в функции установления порядка**

В целом общество конфликтной этики всегда стремится к единоначалию, единовластию, патернализму и со стороны вождей и со стороны «масс», добровольно отказывающихся от своего волеизлияния и снимающих с себя ответственность за себя самих и свое будущее.

Таблица 4.

Власть и политика: Общество компромиссной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	**Установление морального\нравственного авторитета**	**Учение, учительствование, жречество, пророческая власть**
Политика как множественность интересов	**Стремление к конфигурированию различных интересов, управленческая власть, доктринальный принцип «живи и жить давай другим»**	**Понимающая функция власти**

Разумеется, в реальной жизни каждый учитель, пророк, жрец хотел бы иметь нравственный авторитет, но, как сказал Иисус на Тайной Вечере, «кто не с нами, тот не за нас», что следует понимать как отказ от распространения авторитета дальше двенадцати апостолов, и еще ранее в Назарете: «нет пророка в своем отечестве».

Именно в сфере политической власти наиболее заметно различие двух этических систем.

Сартори описывал первый тип политики как игру с нулевой суммой, войну на полное уничтожение противника (например, разгон Учредительного Собрания в январе 1918 года, борьба с Троцким и запрет внутрипартийных фракций в 20-е годы, убийство Кирова в 1934 году, уничтожение антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова в 1957 году, ГКЧП в 1991 году, расстрел парламента в 1993 году, дело Ходорковского 2003 и 2010 годов, «болотные дела» 2012-2013 гг., противостояние Навальный vs ЕР).

Вторая, в терминологии Сартори, политика как игра с позитивной суммой, политика как торг.

В экономическом пространстве обе этические парадигмы имеют свои отражения:

– в советской плановой экономике – диктат производителя и\или продавца («продавцом» в СССР было государство в лице госкомитета по ценам и ценообразованию) в ценообразовании (еще в XIX веке Зомбат теоретически доказал, что такая экономика неминуемо ведет к коллапсу, потому что в этом случае производителю выгоднее не производить нежели

производить – советская экономика закончилась тотальным дефицитом на всё)

– рыночный механизм ценообразования строится на примате потребителя («потребительский рынок») и взаимовыгодности торговли и для продавца и для покупателя.

Проблемой нашего общества, типичного общества конфликтной этики, является выход из этой этики и переход в компромиссную парадигму.

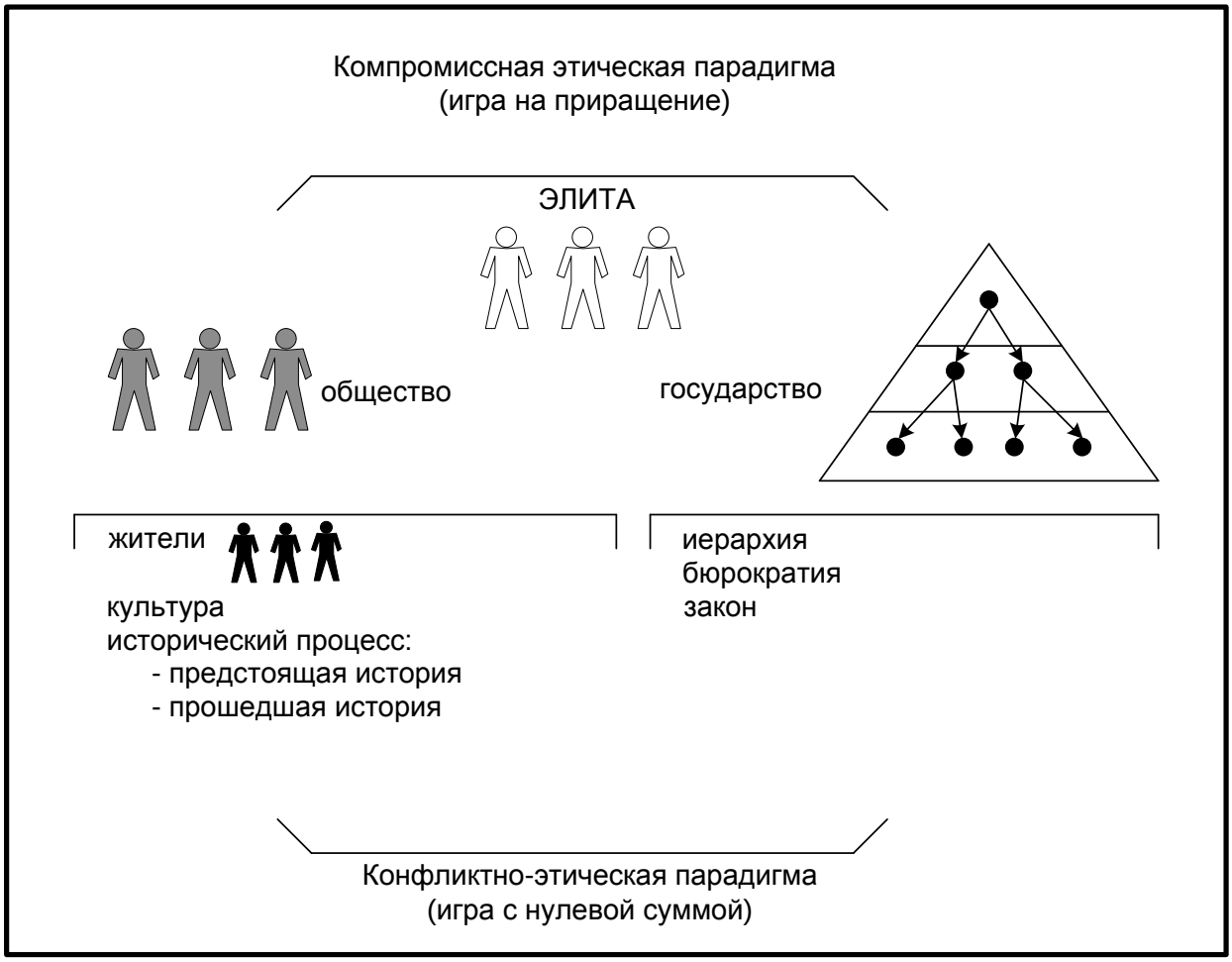
Это возможно, поскольку «всё мыслимое возможно» (Мао Дзедун), при этом имеется несколько путей такого перехода:

– интродукция западных технологий менеджмента, построенных на компромиссной логике
– интродукция западной культуры (инфраструктуры, образования, воспитания, культурных и духовных образцов, нравственных ценностей и т.п.)
– саморазвитие, самовоспитание и самообразование внутри нашего общества.

В работе[1] предлагается идея, которая схематически выглядит следующим образом:

[1] Гаман-Голутвина О.В. – Политические элиты России. М., РОССПЕН, 2006, 446 с

Схема 1. Место элиты в общественно-государственных отношениях



Элита как презентация государственных и общественных интересов
(равноправие интересов)

Нормально, если наблюдается равноправие интересов государства и общества. Репрезентация, удержание и поддержание этого равноправия, рефлексивное управление как балансирование общественных и государственных интересов – прерогатива элиты, которая действует через *промежуточные институты власти*[1], фокусируя группы интересов, выражающихся в институализированных и неинституализированных структур (вплоть до стихийных вспышек). Важно, что эту функцию выполняют все элиты, а не только политическая. В этом случае формируется *полиархия*[2] или власть многих.

Равноправие интересов наблюдается в большинстве демократических стран, с теми или иными непринципиальными отклонениями от этого равноправия (в Греции довлеет общество, в Германии – государство, но эти «довления» практически неощутимы).

---

[1] *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992, 554 с.

[2] *Даль Р. О* демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского / Под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000.

В системе «государство-общество» это равноправие возможностей и интересов государства и общества достигается за счет независимости (самостоятельности) обоих институтов, что позволяет рассматривать процесс их взаимодействия как подчиняющийся «рыночному механизму ценообразования»:

_____ позиция государства

---------- верхний предел «ценообразования» (что надо обществу)

Пространство «ценообразования»
(торга между обществом и государством)

---------- нижний предел «ценообразования» (как осуществить то, что надо обществу)

_____ позиция общества

Творческая, духовная, философская элита формирует и формулирует онтологию требований общества, политическая и властная элита – логику реализации этих онтологических требований, при этом процесс торга не должен выходить за рамки пространства «ценообразования».

Отмирание государства, неизбежное не только по мнению марксистов, но и как common vision, пойдет по линии перехода от государственной власти к государственному сервису – в этом случае исчезнет разница между налогоплательщиком и избирателем, сама система налогообложения сменится с идеологии «налоги на…» (на доходы, недвижимость и т.п.) на идеологию «налоги за…» (пользование государственными школами, инфраструктурой, бюрократией и т.п.)

В зависимости от этической парадигмы общества[1], конфликтной («героической») или компромиссной («христианской»), в отношениях между государством и гражданским обществом господствуют либо отношения *торга (игра с приращением позитивной суммы)* либо отношения *войны (игра с нулевой суммой).* Подобным же образом Г. Сартори[2] выделяет две стратегии политического взаимодействия:

- неограниченная политическая борьба (игра с нулевой суммой, война);
- ограниченное политическое состязание (игра на приращение, торг).

Перестройка в СССР прошла как игра с нулевой суммой: проснувшееся после нескольких десятилетий спячки гражданское общество добилось фактически силовым образом (ГКЧП) и снятия

---

[1] *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., Когито, 2003, 496 с.

[2] *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited. Vol.1, The Contemporary Debate Chatman, NJ, Chartan House Publishers, 1987.

пятой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и развала, коллапса СССР. Буквально через несколько лет режим Ельцина силой, танками подавил общественное сопротивление.

Чем бы ни кончилось нынешнее противостояние государства и «оппозиции», это будет силовое решение в духе войны, безкомпромиссности и открытого конфликта. Неспособность общества и государства к торгу демонстрируется политическими жестами Путина, Медведева, Единой России, лозунгом «партия воров и жуликов» и т.п.

Речь идет не о толерантности, не только о толерантности (в конце концов толерантность – форма выражения равнодушия, не более того).

Важнейшим требованием к элите в современной России является смена этической парадигмы в стране, к доминированию отношений торга и, следовательно, основным содержанием элитного образования для всех видов элит должно стать в настоящее время освоение компромиссной этической парадигмы.

ПУТИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ: МОДЕЛЬ ЭЛИТАРНОСТИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Евстифеева Е.А. *(д.ф.н., проф., зав. каф.),*
Подолько Е.О. *(к.полит.н., доцент),*
Майкова Э.Ю. *(к.ист.н., доцент),*
Филиппченкова С.И. *(к.психол.н., доцент)*
Тверской государственный технический университет

Рассуждать об элите, её готовности отвечать на вызовы современности, степени её социальной ответственности, уровне её продуктивности, таланта, профессионализма, можно, опираясь на различные основания и практики. Для целей формирования элитарного потенциала российского общества, нахождения путей рекрутирования элиты, справедлива сегодня интерпретация элитарности как диспозитива, экспликация элит-качеств личности, которые инициируются современной ситуацией неопределенности и риска, порождаются кризисной траекторией и модернизационным вектором развития, в том числе и в образовательных практиках. Сегодня дискурс- аналитиками по сюжету «элиты» дифференцируются такие блоки субъектных и личностных констант как: 1) когнитивная сложность мышления (наличие социального мышления, высокая рефлексивность, способность к принятию решений в условиях риска и неопределенности и т.д.); 2) мобильность (понятая как интегральный показатель доверия, высокая вариативность поведения, коммуникативный потенциал); 3) духовные позиции, просоциальные установки, влекущие максимизацию социальной полезности. Они же распознаются нами как актуальный для идентификации элит-качеств личности и её потенциала «предмет» заботы о себе. Как мы гипотетически полагаем, социальные ситуации неопределенности и риска, какими являются российские реалии начала XXI века, задают свою контингенцию вышеуказанных блоков.

Следуя императивному подходу, который позволяет сопрягать сущее с должным, возможное с действительным, элиту in facto с элитой in projecto, традиционным представлениям об элите, элитный тип личности демонстрирует себя в пространстве морального. В аристократическом самосознании нет расхождения должного и сущего. Основными чертами такого типа личности являются личностное своеобразие (авторство, автономия, авторитетность, ответственность), развитая индивидуальность с пассионарной интенцией, высокий личностный потенциал, духовность и высокая нравственность,

представленная как благородство (высшая чуткость к справедливости, верность себе, гордость, связанная с чувством собственного достоинства); аристократическая честь, преданность идеалам и долгу; самообладание как умение владеть, регулировать собой, своими мыслями, чувствами, поступками. [13].

В целях нашего исследовательского проекта мы выделяем такие субъектные и личностные качества, которые, по нашему мнению, необходимо в первую очередь, учитывать, «расширять» и развивать, решая практические вопросы формирования элитарных качеств личности в образовательных практиках и тем самым актуализируя проблему рекрутирования элиты в российских реалиях. Речь идет о такой конфигурации субъектных качеств (как рефлексивность, рациональность, толерантность к неопределенности), которые демонстрируют когнитивную сложность мышления и личностных диспозиций (таких как автономность, ответственность, доверие, духовно-нравственные качества, просоциальные установки), которые симптоматичны и являются доминантами в становлении и конституировании элит-личности.

Рефлексивность является определяющим свойством любых человеческих действий, показателем становления субъектности и личности человека, одним из индикаторов восхождения к элитарности. Поэтому развитие рефлексивных способностей является важнейшим компонентом «заботы о себе» как способа личностного бытия, условия для развития личностного потенциала, формирования элит-качеств. Обычно рефлексия понимается как противоположность «внешнему», «трансцендентальному» восприятию акт. Рефлексия – процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать, соотносить и трансформировать свои действия и поступки с наличной ситуацией, умение подняться над ситуацией. Рефлексия направлена на выяснение оснований собственного способа осуществления активности, на коммуникацию. Рефлексивные коммуникации, конструирование отношений доверия, диалога субъектов и личностей являются условием вхождения в социальные и межличностные отношения. Как механизм саморазвития личности рефлексия обеспечивает мобилизацию личностно-интеллектуальных ресурсов в проблемных и рискованных ситуациях, заданных социальной траекторией.

Рефлексивная активность всегда селективна – это означает, что субъект может придавать большое значение одним полученным данным (как правило, положительных о себе данных) и «не замечать» других (обычно отрицательных, снижающих его самооценку). Сведения, полученные путем саморефлексии, имеют больше шансов

привести к психологически ожидаемому результату. Рефлексивность – это инстанция, контролирующая внутренний опыт. Важная функция рефлексивности состоит в структурировании своих осознаваемых субъектом психических свойств, их произвольном контроле и коррекции [4]. А.В. Карпов и В.В. Пономарева усматривают генеративно-порождающий потенциал рефлексивности. Рефлексивность «раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлении, «распознавании», а – в известной мере – и в формировании других свойств и качеств, к их осознанию и репрезентации как своих и образующих его «самость», то есть субъектность как таковую» [6].

Экзистенциально-герменевтическая традиция изучения рефлексии позволила включить её в бытие человека, в контекст жизни человека в качестве важнейшего механизма саморазвития личности. Рефлексия «…задает связанность и осмысленность событийности человеческой жизни, обеспечивает мобилизацию личностно-интеллектуальных ресурсов в проблемно-конфликтных ситуациях и порождает действенно-преобразующее отношение личности, как целостного *Я* человека, к его социокультурному и вещно-экологическому окружению» [15].

При переходе от теоретического уровня анализа феномена личностной рефлексии к практическому её измерению возникают теоретические трудности. На них указывает А.В. Карпов, диагностика рефлексивности которого используется в нашем исследовании. По мнению А.В. Карпова, разработка проблемы рефлексии должна проводиться дифференцированно, по конкретным направлениям, а сам феномен необходимо изучать как психический процесс, психическое свойство и психическое состояние. А.В. Карпов выделяет разные модусы рефлексии: «...Рефлексия является такой синтетической психической реальностью, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние одновременно, но не сводится ни к одному из них» [6]. В подходе А.В. Карпова рефлексия рассматривается как важнейшая регулятивная составляющая личности, как индивидуальная мера рефлексивности, что может быть рассмотрено в контексте личностного потенциала [5]. Понятие личностного потенциала справедливо раскрывает идею изменяющейся личности.

Для индивидуального субъекта использование «субъектного фактора» означает стимулирование его рефлексивных процессов. Рефлексия, саморефлексия реорганизуют эго-структуры личности, стимулируют самодетерминацию (как повышение уверенности в себе, расширение возможностей самоконтроля, внутреннего локуса-

контроля), потенциируют личностную автономность, ответственность. Для личности в условиях особенно рискованных и неопределенных ситуаций, включение рефлексивного сознания имеет стратегическое значение, поскольку позволяет увидеть вариативные возможности. Присущая человеческому сознанию способность к рефлексии является одной из базовых предпосылок перехода от внешней детерминированности к самодетерминации (автономии) личности.

Личностная автономия, укорененная в способностях к инициативе, креативности, и провоцируемая ею авторитетность – это ключ к расшифровке элитарности. Это обстоятельство важно рефлексировать, поскольку в наше время мобильности, демократическом преобразовании экономики, основанной на знаниях и результатах инноваций, возрастает потребность в свободных, образованных, профессионально компетентных, независимо мыслящих личностях. Личностная автономия – это рефлексия собственной ситуации выбора, обозначение границ Я, осознание реалий возможного и условий наличного, способность трансформировать существующие правила и основополагающие принципы, ценности, смыслы. Как механизм саморегуляции автономия согласует свою «интенциональность» с опытом Другого, с требованиями среды. Как личностный ресурс автономность предполагает сохранение целостности личности, позитивную идентичность, способность к осмысленному внутреннему выбору, к трансформированию «заданных» принципов, ценностей, смыслов. [10].

Горизонт личности, в первую очередь для элит-личности, определяется наряду со свободой (автономией) ответственностью, понятой как «факт» выбора личности, признанием за нею этого выбора социумом. Степени свободы (автономии), риски ответственности, единственность и исключительность поступка задают масштаб элит-качеств личности. Ответственность сопряжена с возможностями личности соответствовать тому, что может быть (цели, смыслу, долгу и т.д.,) Она сопрягает сущее и должное. Конструкт «ответственности» отображает личностную интенцию к выделению себя, дифференциации к внешнему миру, и тем самым к прогнозированию, контролированию, управлению социальным миром. Ответственность означает принятие на себя «авторства» за сложившуюся или разворачивающуюся ситуацию, за поступок, поступание. Ответственность предполагает как внимание к социальной реальности и её проблемам, так и сознательное самоограничение собственной свободы. Условиями для реализации ответственного поведения современной личности, согласно М. Фуко, становятся постоянное восстанавливание, конституирование своей

автономности, выявление своих границ, определенности индивидуального существования, работы над собой, заботы о себе. Вызовы современности демонстрируют всё возрастающую значимость личностной ответственности в социальном бытии. Ответы на эти вызовы в первую очередь – «за» элитой. Вспомним, что известный испанский философ начала XX века Х. Ортега-и-Гассет относил к элите тех, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством, наивысшим чувством ответственности.

Чувство ответственности во многом обусловлено локусом контроля, как показывает психологическая диагностика. Если человек склонен принимать ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, это свидетельствует о наличии у него внутреннего (интернального) контроля. Если же он приписывает ответственность за всё в основном внешним факторам или судьбе, то это говорит о внешнем (экстернальном) контроле. По мнению Дж. Роттера, соответствующий локус контроля формируется в процессе социализации личности [16]. В психологии выделяют и измеряют чувство личной ответственности, которое вместе с интернальностью оказывает влияние на выбор защиты и стратегий совладания. Выбор стратегий совладания – феномен, тесно связанный с самоопределением личности и который фактически является одним из результатов самоопределения личности в кризисных (рисковых) условиях [1]. Значимость ответственности личности в осуществлении ее самоопределения сопряжена со свободой выбора и понимание ответственности как неотъемлемого качества свободной личности.

Особое значение для расширения границ личности, для agency к элитарному, имеет доверие. Как модус социального и личного бытия, доверие экспонирует уверенность в себе, веру в Другого, диалог и полилог с другими, толерантность. Сегодня феномен доверия понимается как объективное и субъективное условия вовлечения личности в социум, в коммуникации, в «мобильность», как поведенческий паттерн, охватывая всю сеть межличностных и социальных контактов. Через механизм доверия происходит накопление социального капитала. Структурной и содержательной характеристикой социального капитала является социальная вовлеченность личности, уровень межличностного доверия, социальная идентичность, ценности взаимной поддержки [13].

Толерантность к неопределенности – значимая характеристика личности в процессах принятия решений, фокусирующая в ней «социальное как мобильное». Толерантная личность способна продуктивно действовать в новой и неопределенной ситуации. Это качество подразумевает самосохранение своей автономии,

настроенность на доверие, на паритетный диалог и полилог. В отечественном психологическом дискурсе выделяются несколько подходов к пониманию феномена толерантности, в том числе понимается как свойство личности, как личностная характеристика личности [2].

Толерантность к неопределенности как свойство личности позволяет ей выдерживать возникающую в процессе перехода к новой идентичности неопределенность собственных смысловых оснований. Как личностная характеристика, толерантность к неопределенности проявляется в способности переносить ситуации неопределенности, принять их неизбежность, неоднозначность, множественность выбора сохраняя при этом позитивное к ним отношение. [7].

Нами были собраны эмпирические данные, в ходе проведенного в 2011-2012 гг. социально-психологического исследования, которые подтверждают возможность применения методического аппарата, разработанного для диагностики субъектных и личностных предикторов, потенцирующих элит-качества. Цель исследования – идентифицировать элитарные качества личности и выявить особенности их констелляции. В исследование приняли участие яркие представители российской элиты (политической, научной, медицинской (42 человека, из них 30 мужчин и 12 женщин в возрасте от 29 до 74 лет). Диагностический инструментарий исследования составили разработанная авторами анкета социально-психологического опроса и следующие психодиагностические методики: опросник уровня субъективного контроля Дж Роттера, методика А.В.Карпова «Уровень рефлексивности», тест смысложизненных ориентаций Д.А.Леонтьева (СЖО), шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой, шкала макиавеллизма личности В.В. Знакова, опросник «Личностные факторы принятия решений» ЛФР-25 Т.В. Корниловой, тест самодетерминации К. Шелдона в адаптации Д.А. Леонтьева.

Рефлексивность как психическое свойство представляет собой одну из основных граней интегративной психической реальности. Рефлексивность обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения человека в актуальной ситуации, осмысление ее элементов, анализ происходящего, способность субъекта к соотнесению своих действий с ситуацией и их координации в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием. Поведенческими проявлениями и характеристиками этого вида рефлексии являются, в частности, время обдумывания субъектом своей текущей деятельности; то, насколько часто он прибегает к анализу происходящего; степень развернутости процессов принятия решения;

склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях. Рефлексивность проявляется также в склонности к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий. Рефлексивность соотносится с функцией анализа предстоящей деятельности, поведения; планированием как таковым; прогнозированием вероятных исходов и др. Ее основные поведенческие характеристики: тщательность планирования деталей своего поведения, частота обращения к будущим событиям, ориентация на будущее.

По показателю «рефлексивность», полученному с помощью методики определения уровня рефлексивности А. В. Карпова [5], было получено среднее значение 4,6±2,3 стена, что соответствует среднему уровню рефлексивности с тенденцией к высокому. Данные результаты свидетельствуют о том, что испытуемым свойственно задумываться над происходящим, над причинами своих действий и поступков других людей, над их последствиями. Они стараются планировать свою деятельность и рассматривают различные варианты при принятии решения. У них редко возникают трудности в общении с другими людьми.

На основании анализа гендерных различий с помощью критерия Манна-Уитни можно сделать вывод о том, что мужчины демонстрируют значимо более высокий уровень рефлексивности, чем женщины (U=7, 0 при p =0,056).

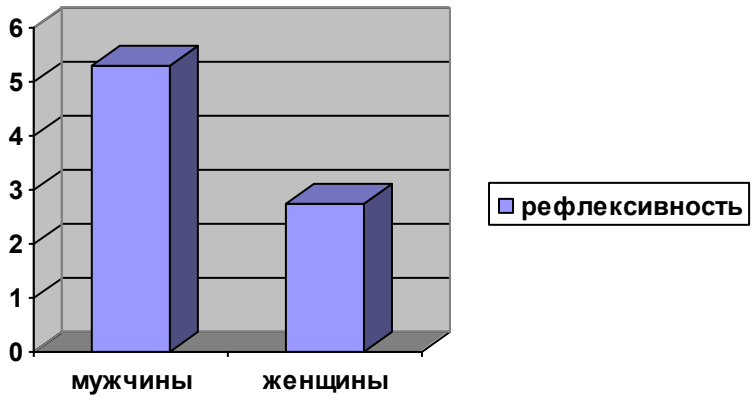


Рис. 1. Гендерные различия в уровне рефлексивности

В основу определения уровня субъективного контроля личности (ответственности) положены две предпосылки:

1. Люди различаются между собой по тому, как и где они локализуют контроль за значимыми для себя событиями. Возможны два полярных типа такой локализации: экстернальной и интренальной. В первом случае человек полагает, что происходящее с ним события являются результатом действия внешний сил – случайностей, других людей. Во втором - человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности.

2. Локус контроля, характерный для индивида, универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми приходится сталкиваться. Один и тот же тип контроля характеризует поведение данной личности в случае неудач и в сфере достижений, причем это в равной степени касается различных областей социальной жизни.

Нормой уровня субъективного контроля является 5,5 стенов. Если показатель отклонен от нормы влево <5,5, то это свидетельствует об экстернальном типе УСК, если вправо >5,5, то это свидетельствует об интернальном типе контроля.

Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера [14] показала следующие результаты: у испытуемых наблюдается средний с тенденцией к высокому уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями (Ио=6,92±2,0,9 стена): испытуемые считают, что большинство важных событий в жизни является результатами их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют собственную ответственность за свою жизнь в целом.

Высокий показатель по шкале *интернальности в области достижений* (Ид=8,86 (±1,92) стена) свидетельствует о том, что испытуемые обладают высоким уровнем субъективного контроля над эмоционально положительными событиями, считают, что всего достигнутого в жизни они добились самостоятельно и что они способны идти к намеченной цели в будущем. Полученный высокий результат по шкале *интернальности в области производственных отношений* (Ип=6,93±1,48 стена) позволяет предположить, что испытуемые считают себя и свои действия достаточно важным фактором организации собственной производственной деятельности. Высокий показатель по шкале *интернальности в области неудач* (Ин=8,60±1,88 стена) говорит о том, что испытуемые считают себя ответственными за неудачи и промахи, происходящие в их жизни. Высокий показатель *интернальности в семейных отношениях* (Ис=6,86±2,09 стена) свидетельствует о том, что испытуемые не склонны перекладывать ответственность за сохранение внутрисемейных отношений на других членов своей семьи. Низкий результат по шкале *интернальности в области межличностных отношений* (Им=3,66±1,23 стена) позволяет говорить о том, что испытуемые не чувствуют себя способными вызывать уважение и симпатию других людей. И наконец, низкий результат по шкале *интернальности в отношении здоровья и болезни* (Из=2,86±1,12 стена) свидетельствует о том, что испытуемые не считают себя ответственным за свое здоровье и полагают, что выздоровление зависит действий врача и медицинского персонала.

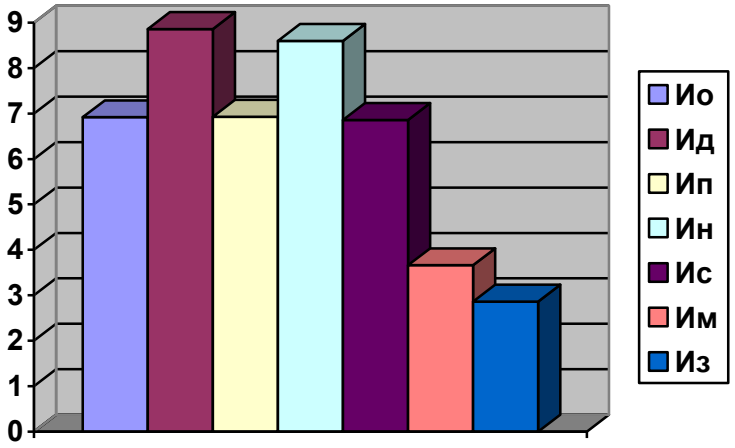


Рис.2. Распределение показателей уровня субъективного контроля

Таким образом, испытуемым свойственно брать на себя ответственность в таких областях жизнедеятельности, как достижения, неудачи, производственные и семейные отношения. Испытуемые склонны перекладывать ответственность на других людей или ситуацию в области межличностных отношений, а также своего здоровья.

На основании анализа гендерных различий с помощью критерия значимых различий Манна-Уитни можно сделать вывод о том, что мужчины демонстрируют значимо более высокий уровень интернальности (ответственности) в области производственных отношений, чем женщины (U=6,0 при p =0,04).

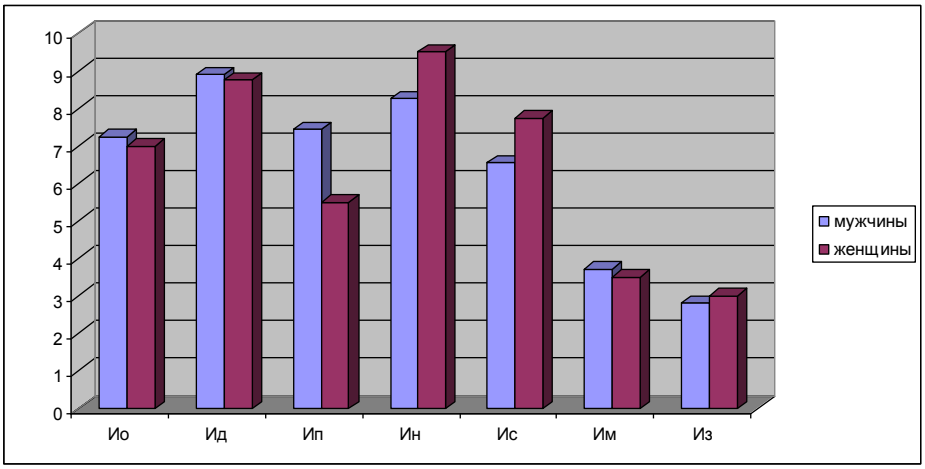


Рис. 3. Гендерные различия в уровне субъективного контроля

По результатам исследования смысложизненных ориентаций с помощью методики СЖО Д.А. Леонтьева [9] можно сделать следующие выводы.

По шкале «Цели в жизни» получен среднегрупповой показатель 37,86±4,95 балла (минимальное значение по данной шкале 26 баллов,

максимальное – 42 балла). Испытуемые демонстрируют высокую осмысленность жизни, направленность на будущее и четко видят временную перспективу. Испытуемых можно назвать целеустремленными людьми. По шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» получен среднегрупповой показатель 34,33±4,82 балла (минимальное значение по данной шкале 24 баллов, максимальное – 39 баллов). Испытуемые воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, они удовлетворены настоящим. По шкале «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» получен среднегрупповой показатель 29,46±4,95 балла (минимальное значение по данной шкале 20 баллов, максимальное – 35 баллов). Баллы по этой шкале отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна ее прожитая часть. Испытуемых можно охарактеризовать как людей, которые в целом удовлетворены прожитой частью жизни. По шкале «Локус контроля-Я (Я как хозяин жизни)» получен среднегрупповой показатель 32,80±4,50 балла (минимальное значение по данной шкале 16 баллов, максимальное – 42 баллов). Испытуемым свойственно представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле, они верят в свои силы контролировать события собственной жизни. По шкале «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» получен среднегрупповой показатель 23,24±4,50 балла (минимальное значение по данной шкале 16 баллов, максимальное – 28 баллов). Испытуемые убеждены в том, что им дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

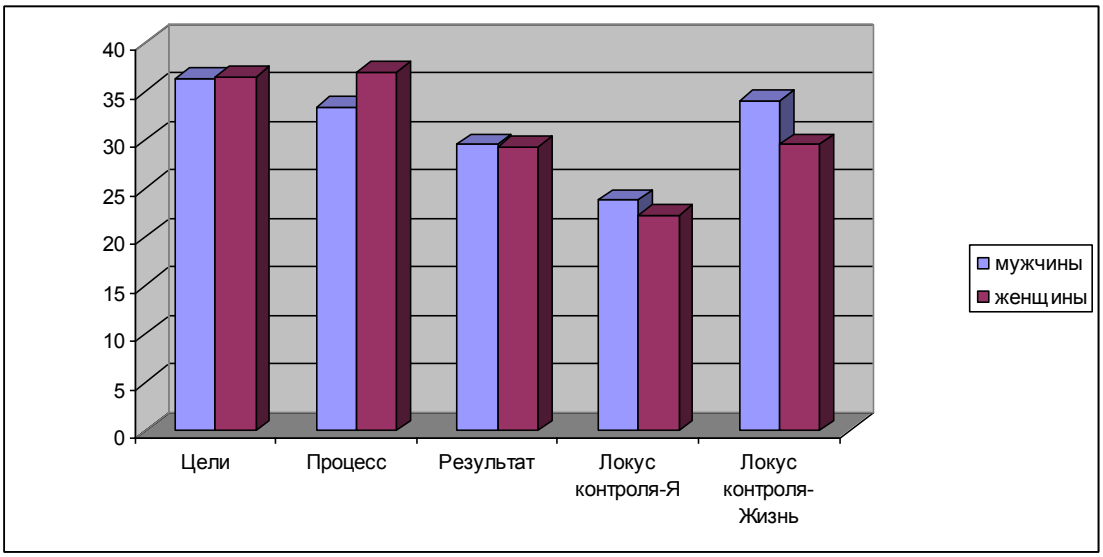


Рис. 4. Показатели методики диагностики смысложизненных ориентаций

Таким образом, испытуемые демонстрируют высокую осмысленность жизни, воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, в целом они удовлетворены прожитой частью жизни. Испытуемым свойственно представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, они верят в свои силы контролировать события собственной жизни. Они убеждены в том, что им дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

С помощью шкалы В.В. Знакова изучен уровень *макиавеллизма личности* испытуемых [3]. Макиавеллизм – это склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Субъект скрывает сои истинные намерения и с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели. Это стратегия социального поведения, включающая манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащих их собственным интересам. Макиавеллизм представляет собой психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик. Главными составляющими макиавеллизма личности являются: 1) убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми можно и даже нужно манипулировать; 2) навыки, конкретные умения манипуляции как способности убеждать других, понимать их намерения и причины поступков. Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей.

Мы можем говорить о том, что испытуемым характерен *средний уровень макиавеллизма* (среднегрупповой показатель 59,92±12,23 балла (минимальное значение по данной шкале 46 баллов, максимальное – 92 балла). Следовательно, в межличностных отношениях испытуемые не стремятся к манипулированию, демонстрируют открытость, честность, надежность, не склонны к доминированию. Они предпочитают сотрудничество, не стремятся добиться своей цели любыми средствами вплоть до обмана. Испытуемые умеют сопереживать и сочувствовать, направлены на взаимодействие с партнерами по деловой коммуникации.

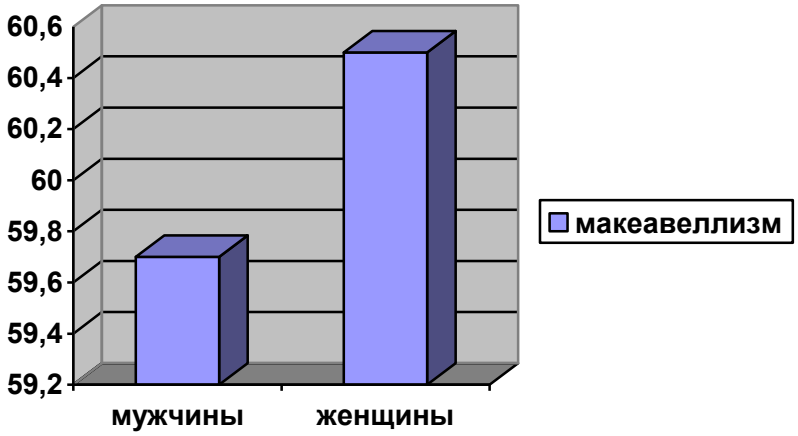


Рис. 5. Гендерные различия в уровне макиавеллизма

Исследование с использованием теста самодетерминации К. Шелдона в адаптации Д.А. Леонтьева [11] показало следующие результаты. Опросник самодетерминации включает в себя две шкалы. *Шкала воспринимаемого выбора (автономии)* измеряет то, в какой степени человек чувствует, что он сам выбирает то, что происходит с ним в жизни. Среднегрупповой показатель по этой шкале составляет 58,6%, что соответствует среднему уровню. Представление испытуемых о собственной способности выбирать является достаточно сбалансированным. Они зачастую чувствуют, что делают то, что выбрали сами, но иногда у них возникает ощущение, что им приходится заниматься чем-то чуждым. *Шкала самовыражения* измеряет то, в какой степени человек чувствует, что жизнь, которую он живёт, соответствует его желаниям. Среднегрупповой показатель по этой шкале составляет 82,5%. В целом, у испытуемых есть ощущение, что они выражают себя в жизни и что жизнь, которой они живут, соответствует их внутренним стремлениям.

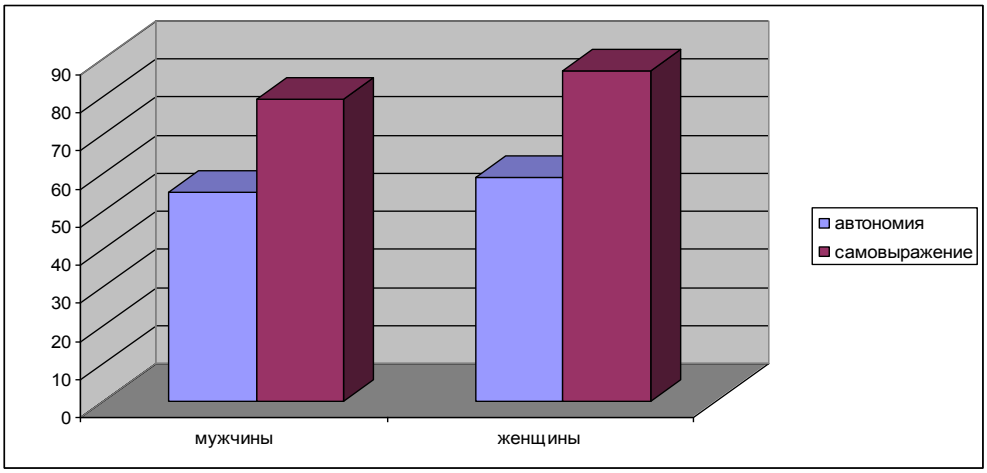


Рис.6. Гендерные различия в уровне самодетерминации

Исследование толерантности к неопределенности показало следующие результаты. Шкала толерантности к неопределенности

является русскоязычной адаптацией Е.Г.Луковицкой одноименной англоязычной методики Д. Маклейна [12]. Среднегрупповой показатель составляет 9,0±7,66 балла (минимальное значение по данной шкале -10 баллов, максимальное – 25 баллов. Полученный суммарный балл может принимать значения от -66 до +66. Положительные значения, продемонстрированные испытуемыми, говорят о том, что они осознают и принимают сложность, неоднозначность и непредсказуемость окружающего мира, однако мирятся с ней и учитывают ее в своих действиях; они склонны подходить к проблемам творчески, а не шаблонно, не склонны к стереотипам.

С помощью опросника «Личностные факторы принятия решений» ЛФР-25 Т.В.Корниловой [8] мы выявили уровень рациональности и готовности к риску испытуемых. Среднегрупповой показатель рациональности испытуемых 7,26±3,03 балла, готовности к риску – 3,26±2,91 балла. Высокие баллы по показателю рациональности свидетельствуют о выраженности рациональности в принятии решений, готовности обдумывать свои поступки, а также действовать при возможно более полной ориентировки в ситуации. Испытуемые не склонны к риску.

На основании анализа гендерных различий с помощью критерия Манна-Уитни можно сделать вывод о том, что мужчины демонстрируют значимо более высокий уровень рациональности, чем женщины (U=6,50 при p =0,040). Значимых различий в уровне склонности к риску не выявлено.

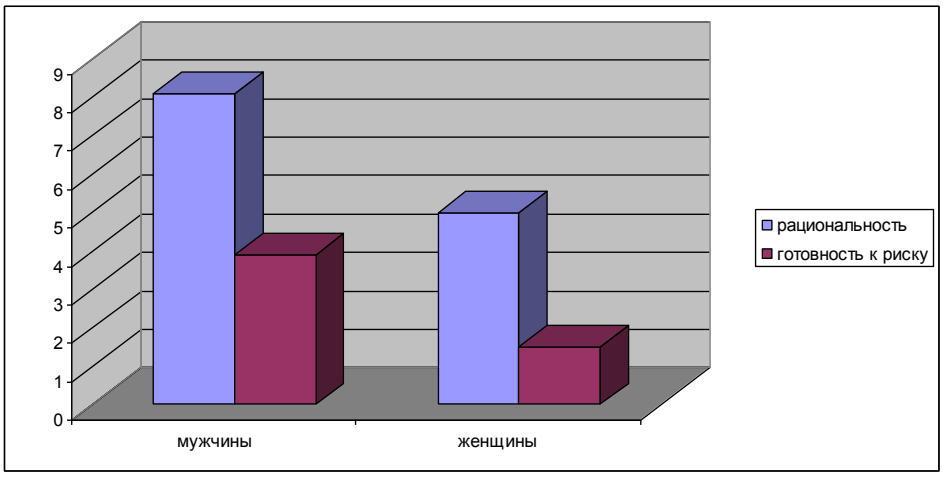


Рис. 7. Гендерные различия в уровне рациональности/готовности к риску

Выводы по результатам исследования.

1. Испытуемые демонстрируют средний уровень рефлексивности с тенденцией к высокому: им свойственно задумываться над происходящим, над причинами своих действий и поступков других людей, над их последствиями, испытуемые стараются планировать

свою деятельность и рассматривают различные варианты при принятии решения, у них редко возникают трудности в общении с другими людьми. Мужчины демонстрируют значимо более высокий уровень рефлексивности, чем женщины.

2. Опрошенным свойственно брать на себя ответственность в таких областях жизнедеятельности, как достижения, неудачи, производственные и семейные отношения. Испытуемые склонны перекладывать ответственность на других людей или ситуацию в области межличностных отношений, а также своего здоровья. Мужчины демонстрируют значимо более высокий уровень интернальности (ответственности) в области производственных отношений, чем женщины.

3. Респонденты демонстрируют высокую осмысленность жизни, воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, в целом они удовлетворены прожитой частью жизни. Им свойственно представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, они верят в свои силы контролировать события собственной жизни. Испытуемые убеждены в том, что им дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

4. Испытуемым свойственно представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, они верят в свои силы контролировать события собственной жизни. Они убеждены в том, что им дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

5. В межличностных отношениях испытуемые не стремятся к манипулированию, демонстрируют открытость, честность, надежность, не склонны к доминированию. Они предпочитают сотрудничество, не стремятся добиться своей цели любыми средствами вплоть до обмана. Испытуемые умеют сопереживать и сочувствовать, направлены на взаимодействие с партнерами по деловой коммуникации.

6. Представление респондентов о собственной способности выбирать является достаточно сбалансированным. Они зачастую чувствуют, что делают то, что выбрали сами, но иногда у них возникает ощущение, что им приходится заниматься чем-то чуждым. В целом, у испытуемых есть ощущение, что они выражают себя в жизни и что жизнь, которой они живут, соответствует их внутренним стремлениям.

7. Испытуемым свойственна ярко выраженная рациональность в принятии решений, готовности обдумывать свои поступки, а также действовать при возможно более полной ориентировки в ситуации. Испытуемые не склонны к риску.

В результате анкетирования оказалось, что большинство испытуемых (26 человек, что составляет 62% всей выборки) в качестве самого важного элитарного качества личности на первое место выдвигает наличие духовно-нравственных качеств (как чувство социальной справедливости, достоинство, честность). На втором месте располагаются когнитивная сложность мышления (как высокий интеллект, профессиональная компетентность, социальное мышление, а также развитая индивидуальность, ответственность, рефлексивность) – их выбрали в качестве главного элитарного качества 10 опрошенных (24%). И наконец, на третьем месте, по мнению 6 опрошенных (14%), оказалась мобильность (как высокая вариативность поведения, коммуникативные навыки, доверие, толерантность).

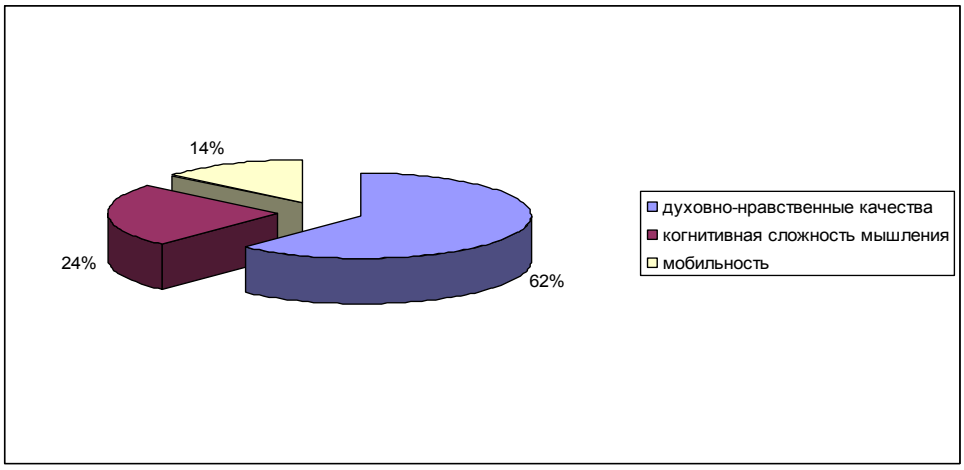


Рис. 8. Соотношение элит-качеств личности

Проводимое нами социально-психологическое исследование, посвященное идентификации элит-качеств личности, является эмпирическим доводом в понимании «капитальности» и социально-политической значимости проблемы рекрутирования элиты, увеличения когнитивного «актива», формирования элитарных качеств личности, овладения prima потенциалом. Исследование проводится в рамках образовательного проекта, на материале которого обсуждаются значимые в практиках образования вопросы подготовки личности, её развитой субъектности, ступеней её элитизации к условиям социальной вовлеченности и неопределенности.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2004. - С.110-111.
2. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2011. - с.300-329

3. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. - 2000.- № 5. – С. 16-22
4. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал – 2005. – т, 26 - №1 - С. 18.
5. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. - 2003. - Т. 24. - № 5. - С. 45-57.
6. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных процессов управления. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2000.- С.55.
7. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности—интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. - Т. 31. - № 1. - с. 74—86
8. Корнилова Т.П. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. - С. 264-265
9. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. — М.: Смысл, 2000. — 18 с.
10. Леонтьев Д.А., Дергачева О.Е. Личностная автономия как составляющая личностного потенциала. / Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. - с.210- 240
11. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева - М.: Смысл, 2011. - С.219.
12. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. канд. психол. наук. СПб., 1998.
13. Подолько Е.О. Личность и элита в социальной траектории Часть 1. Монография. - Тверь: «Научная книга», 2011. - с. 119-145
14. Практическая психодиагностика: методики и тесты / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Изд. Дом «Бахрах», 2009. – С. 142
15. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. От психологии рефлексии к рефлексивной культурпарадигме в психологии // Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск: ИФП СР РАН, 1989. - С.487.
16. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс,1997.

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЫБОРА, СОВЕРШАЕМОГО ДИКТАТОРОМ

В.А.Лефевр

Калифорнийский университет, г. Ирвайн, США

В этой заметке мы распространим теорию рефлексивных игр (Лефевр, 2009) на такие ситуации, в которых члены группы, воздействуя на лидера, поддерживают любую его интенцию. Пусть например группа состоит из лидера и трех лиц, входящих в его свиту, каждое из которых стремится предугадать интенцию диктатора и поддержать ее. Предположим, граф отношений в группе таков:

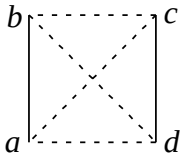


Рис. 1. Граф отношений в группе: диктатор (a) и члены его свиты (b, c, d)

Этому графу соответствует полином

$$ab + cd, \tag{1}$$

диагональная форма

$$\begin{matrix} [a]\,[b] & & [c]\,[d] \\ [ab] & + & [cd] \\ [ab + cd] & & \end{matrix} \tag{2}$$

и уравнение для диктатора

$$ab + cd = a, \tag{3}$$

где значения b, c и d есть воздействия на диктатора со стороны членов его свиты.

Наша главная идея состоит в том, что в подобных ситуациях все воздействия на субъекта должны быть равны его интенции, т.е.

$b = a$, $c = a$, $d = a$. Подставим эти значения в уравнение (3) и получаем уравнение

$$a = a, \tag{4}$$

из которого следует, что в данном конкретном примере диктатор обладает свободой выбора.

Однако при иных условиях это не всегда так. Пусть свита диктатора состоит из двух лиц, b и c, и отношения в тройке таковы:

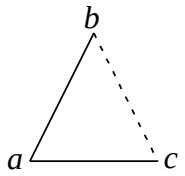


Рис. 2. Граф отношений: b и c члены свиты

Этому графу отношений соответствует полином

$$a(b + c), \tag{5}$$

диагональная форма

$$[b] + [c]$$
$$[a]\,[b + c]$$
$$[a(b + c)]$$

и уравнение

$$a(b + c) + \bar{a} = a\ . \tag{6}$$

Подставляя в (6) $b = a$ и $c = a$, приходим к уравнению

$$a + \bar{a} = a\ , \tag{7}$$

из которого следует, что $a = 1$, т.е. субъект может совершить любое действие, входящее в набор действий, но не может выбрать альтернативу 0, которая означает отказ от совершения действий.

Мы рассмотрели два примера, из которых видно, что в ситуациях, когда окружающие поддерживают любую интенцию диктатора, он может либо обладать свободой выбора, либо выбирать альтернативу 1. Этот вывод является справедливым для любых других примеров, поскольку

1) при подстановке в диагональную форму буквы a на место переменных, соответствующих членам свиты, мы после преобразований получаем в каждой квадратной скобке букву a;

2) преобразуя запись диагональной формы в полином, мы совершаем конечную цепочку бинарных операций;

3) каждая бинарная операция может породить либо букву a, либо цифру 1.

Таким образом, мы всегда приходим к одному из двух уравнений: $a = a$ или $a = 1$.

Литература

1. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр – М.: «Когито-Центр», 2009.

ОБЗОР НОВЕЙШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕОРИИ РЕФЛЕКСИВНЫХ ИГР

С.С. Тарасенко

Kyoto University, Kyoto, Japan

В данной работе систематизированы результаты расширения и применения теории рефлексивных игр (ТРИ) с момента публикации основополагающей работы В.А. Лефевра. Основные направления - формулирование ряда фундаментальных теорем и решение обратной задачи; многошаговые процессы принятия решений, моделирование социальной динамики; приложение ТРИ в робототехнике и эмоциональные рефлексивные игры.

Введение. В основополагающей работе по математической Теории Рефлексивных Игр (ТРИ) [1], В.А. Лефевр представил базовые постулаты теории. Теория Рефлексивных Игр была разработана для моделирования поведения групп субъектов. В основе теории заложен принцип запрета эгоизма. Данный принцип постулирует, что каждый субъект в группе может нанести ущерб группе, только если при этом он наносит ущерб себе.

Новые теоремы ТРИ. Основное место среди новейших результатов занимают теоремы о социальной свободе. Лефевр показал [2], что необходимым условием свободы выбора является существование у субъекта противника. Также в этой работе Лефевр дал определение свободной, ординарной и сбалансированной группы.

В работе Лефевра и Тарасенко [3] было представлено расширение теории рефлексивных игр в двух направлениях: 1) было дано определение установки, т.е. субъект, входящий в группу, может вступать либо только в союз, либо только в конфликт с другими субъектами; 2) группа стала рассматриваться как макросубъект, способный принимать решение в форме консенсуса.

Использование ТРИ для моделирования поведения роботов. Одним из первых приложений ТРИ является использование теории для

моделирования поведения роботов в смешанных группах людей и роботов [4, 5]. Для решений этой задачи было представлена базовая блок-схема для системы управления роботом. Данная блок-схема наравне с модулями, которые осуществляют выбор действий в соответствии с ТРИ, так же содержит модуль, который гарантирует безопасность выбранных решений для людей. Работа этого дополнительного модуля опирается на законы робототехники Айзека Азимова.

Прямая и обратная задачи ТРИ. Прямая задача (Forward task) ТРИ состоит в том, чтобы вычислить выбор субъекта при условии, что известна структура группы и все влияния, которые оказываются субъектами друг на друга. Обратная задача (Inverse Task) в общем случае формулируется как задача определения необходимой структуры и необходимых влияний, чтобы интересующий субъект сделал заранее определенный выбор. В такой постановке обратная задача является многомерной комбинаторной задачей. Обратная задача относительно только необходимых влияний была решена в работе [6]. Здесь были доказаны основные леммы и проведен детальный разбор примеров.

Приложение ТРИ для многошаговых процессов. Как правило решения принимаются после нескольких сессий, на каждой из которых принимается решение относительного какого-то определенного параметра окончательного решения. К таким параметрам относятся время принятия окончательного решения, состав группы, которая будет принимать финальное решение и т.д. Так же всегда существует возможность заранее установить влияния субъектов друг на друга. Данная последовательность действий представляет собой многошаговый процесс принятия решений. В работах [7,8] такой многошаговый процесс был смоделирован при помощи ТРИ. Основная идея здесь состоит в том, что решения, принимаемые на предыдущих сессиях, являются значениями параметров для последующих сессий.

Эмоциональные рефлексивные игры. Еще одним приложением ТРИ явились эмоциональные рефлексивные игры [10]. Базовая идея заключается в том, чтобы в качестве элементов трехмерной булевой алгебры (всего 8 элементов) задать основные эмоциональные состояния из трехмерной модели Potential-Dominance-Arousal представления эмоций А. Мехрабиана [9].

Эмоциональные рефлексивные игры и многошаговые процессы принятия решений. Логичным продолжением явилось объединение эмоциональных рефлексивных игр и многошаговых процессов принятия решений. Данное объединение было описано в работе [11]. Исследование в области эмоций показали, что человек в

эмоциональном состоянии с высоким значением меры возбуждения склонен к действию, а в состоянии с низким значением меры возбуждения – к бездействию. Таким образом, можно решать неопределенность выбора между альтернативами активного (бегать, играть, т.д.) и пассивного (читать, отдыхать) действия. Поэтому, основным преимуществом данной комбинации является возможность более точно прогнозировать выбор субъекта.

Моделирование социальной динамики. Последним приложением ТРИ является применение теории к моделированию изменения структуры группы во времени (социальной динамике). Здесь решения принимаются по поводу отношений между субъектами в группе. Отношения кодируются бинарными значениями: 0 – конфликт, 1 – союз [3]. После сессии принятия решения каждый субъект формирует свою точку зрения на отношения с другими субъектами. В работе [12] показано, что решения в разные сессии принятия решений является независимыми от предыдущих, поэтому для моделирования вероятностей различных конфигураций групп был предложен *рефлексивный Марковский процесс*. В работе [11] также была показана связь ТРИ и теории социального баланса [13].

Заключение. За три года, прошедшие с момента публикации фундаментальной работы Лефевра [1], был предложен ряд оригинальных расширений и приложений теории.

Литература

1. Лефевр, В. А. Лекции по теории рефлексивных игр / В. А. Лефевр. – М.: Когито-центр, 2009. – 218 с.
2. Лефевр, В. А. (2011) Теоремы о социальной свободе, *Рефлексивные процессы и управление*, 11, 1-2, стр. 58-62.
3. Лефевр, В. А., и Тарасенко, С. (2011) Установки. Консенсус. *Рефлексивные процессы и управление*, 11, 1-2, стр. 63-66.
4. Tarasenko S. (2011) Modeling mixed groups of humans and robots with Reflexive Game Theory. In Lamers, M.H. and Verbeek, F.J. (Eds): *HRPR 2010, LNICST 59*, pp. 108-117.
5. Тарасенко, С. (2010) Рефлексивные игры людей и роботов. *Рефлексивные процессы и управление*, 10, 1-2, стр. 102-111.
6. Tarasenko S. (2010) The Inverse Task of the Reflexive Game Theory: Theoretical Matters, Practical Applications and Relationship with Other Issues. (arXiv:1011.3397v1 [cs.MA]).
7. Тарасенко С. (2010) Моделирование многоэтапного процесса принятия решений при помощи теории рефлексивных игр, *Рефлексивные процессы и управление*, 10, 1-2, стр. 93-101.
8. Tarasenko S. (2011) Modeling Multistage Decision Processes with Reflexive Game Theory. (arXiv:1203.2315v1 [cs.MA]).

9. Mehrabian, A. (1996) Pleasure-arousal-dominance: a general framework for describing and measuring individual differences in temperament. *Current Psychology: Developmental, Learning, Personality*, Social, 14, 4, 261-292.
10. Tarasenko S. (2011) Emotionally Colorful Reflexive Games. (arXiv:1101.0820v1 [cs.MA]).
11. Tarasenko S. (2011) Emotionally Colorful Reflexive Games. *Extended Version. (unpublished manuscript).*
12. Тарасенко, С. (2011) Асимптотическое поведение группы рефлексивных субъектов. Сборник трудов *РЕФЛЕКСИВНЫЙ ТЕАТР СИТУАЦИОННОГО ЦЕНТРА-2011 под редакцией В. А. Филимонова*, Омкс, стр. 64-69.
13. Heider, F. (1946). Attitudes and Cognitive Organization. *Journal of Psychology* 21, pp. 107-112.
14. Тарасенко, С. (2013). Сборник трудов *РЕФЛЕКСИВНЫЙ ТЕАТР СИТУАЦИОННОГО ЦЕНТРА-2012 под редакцией В. А. Филимонова*, Омкс, стр. 62-67.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ РЕФЛЕКСИИ

И.Н. Семенов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, профессор, доктор психологических наук

Наблюдаемое ныне бурное развитие психологической науки и практики в контексте постнеклассической рациональности – в т.ч. изучения и освоения рефлексии (Н.Г.Алексеев, В.В.Давыдов, А.В.Карпов, В.Е.Лепский, В.А.Лефевр, В.А.Петровский, И.Н.Семенов, Г.П.Щедровицкий и др.) – проявляется в появлении новых областей исследований, нуждающихся в инновационных идеях, концепциях, методах, экспериментах и фактах, а также в не меньшей мере – в оригинальных философских предпосылках, теоретических основах, историко-научном обосновании и методологическом обеспечении. Именно недостаточная проработка методологических средств построения обобщающих концептуальных схем и других теоретических конструктов, констеллирующих схематизмы новых областей знания, является слабым звеном современной психологии рефлексии, что существенно тормозит прогресс ее изучения. Следствия этого – часто наблюдающиеся: ползучий эмпиризм, процедурный эклектизм, психометрический ригоризм мало сопрягаемых друг с другом отельных методик и конкретных результатов множества частных исследований, а также – их аксиологическая индифферентность, онтологическая безосновательность, теоретическая расплывчатость и методологическая неконструктивность. Одна из причин этого – постепенное ослабление изначально органичной и весьма эффективной во второй половине XX в. связи (в трудах Н.Г.Алексеева, В.В.Давыдова, В.П.Зинченко, В.Е.Лепского, В.А.Лефевра, Н.И.Непомнящей, Я.А.Пономарева, И.Н.Семенова, М.Г.Ярошевского и др.) отечественной психологии с философией и такими ее областями, как аксиология, гносеология, онтология, методология, логика, этика, эстетика. Так, в ряде психологических работ, методология порой подменяется либо абстрактным теоретизированием относительно феноменологически

характеризуемой эмпирии, либо конкретным описанием и каталогизацией рядоположных частных методик, либо – историко-научным редукционизмом критического анализа и абстрактного соотнесения различных психологических подходов. Причем, во всех трех случаях такая паллиативная методология осуществляется часто без должного синтеза анализируемых позитивных конструктов в качестве методологических средств ассимиляции и продуктивного построения обобщенных теоретических моделей открываемой реальности и разработки ее онтологических концепций, исследовательских программ и адекватных методов в целях экспериментального изучения, эмпирической верификации и практического применения нового схематизированного знания о рефлексии.

Необходимостью преодоления этого объясняется научная актуальность специального построения методологии психологии рефлексии, которое осуществляется нами на материале теоретического изучения проблемно-дискурсивного мышления (при экспериментальном моделировании рефлексивно-творческого процесса поиска решения проблем) и рефлексивно-персонологического анализа творческой индивидуальности (при феноменологической характеристике жизнетворчества ученых и писателей и социокультурной квалификации их инновационного вклада). При этом изучение методологической проблематики собственно рефлексивной психологии мышления и творчества нацелено на построение теоретической концепции (определяющей роль рефлексии в организации продуктивного мышления и в развитии социокультурного творчества), ее историко-научное обоснование и прикладную разработку рефлетехнологий применения в социальной практике, в частности, в инновационном образовании. Необходимостью исследования закономерностей и механизмов рефлексии для создания развивающих самосознание рефлетехнологий в целях психологического обеспечения развития рефлексивной культуры личности объясняется практическая актуальность разработки методологических средств построения теории рефлексии и организации применения психологических знаний о ней в социальной практике. В связи с этим в нашей научной школе (в развитие традиций МГУ, ММК, ПИ РАО, ИП РАН) был взят курс на философско-психологическое изучение рефлексивности творческого мышления в целях разработки психолого-педагогических способов развития его креативности и формирования творческой личности в целом. Это потребовало в 1970-1980 гг. постановки и разработки целого комплекса методологических и теоретических проблем. Их конструктивное решение в 1990-2000 гг.

обеспечило создание новых подходов и методов изучения и развития рефлексивной регуляции дискурсивного процесса продуктивного мышления, рефлексивной кооперации группового решения, рефлексивной организации сознания личности и самосознания творческой индивидуальности, а также рефлетехнологий «рефлексики» и «игрорефлексики» для психолого-педагогического обеспечения в 2000-2010 гг. рефлексивного развития субъекта и проектирования инновационного образования.

Все это открыло возможности для преодоления при изучении рефлексии присущего большинству современных трудов по методологии психологии противоречия между доминированием в них методологического анализа (т.е. выделения, описания и характеристики различных исследовательских подходов и методов, что чревато историко-научным редукционизмом методогии в виде их сравнительного соотнесения) и необходимостью методологического синтеза, т.е. экспликации, ассимиляции и обобщения достижений классической психологии как необходимого фона и парадигмальной предпосылки для конструирования методологических средств разработки новых концептуальных подходов и реализующих их исследовательских программ и методов экспериментирования, проектирования и внедрения психологических знаний. В связи с этим нами в ряде трудов эксплицированы и проанализированы методологические проблемы и подходы классической психологии рефлексивных процессов в целях обобщения и ассимиляции ее достижений как предпосылок для интеграции методологических средств построения в постнеклассической рефлексивно-гуманитарной психологии продуктивного мышления и социокультурного творчества как инновационной области современного человекознания. Экспликация методологических средств и формулирование теоретических принципов рефлексивной психологии позволила разработать систему ее исследовательских методов, построить концептуальные модели рефлексивной регуляции творческого мышления и его рефлексивно-интуитивных механизмов, а также – модели личностной рефлексии и рефлексивной персонологии творческой индивидуальности человека. Эти теоретически построенные системно-методологические средства были эмпирически верифицированы двумя взаимодополняющими способами. Во-первых, – путем экспериментального моделирования рефлексивной регуляции и конструктивной организации продуктивного мышления на материале исследования дискурсивного поиска решения творческих задач в проблемно-конфликтных ситуациях. Во-вторых, – путем социокультурного анализа для экзистенциально-рефлексивной

реконструкции и персонологической характеристики жизнетворчества творцов-гуманитариев (ученых, философов, писателей) на материале рефлексивно-культурологического анализа их биографий и творческой продуктивности в целях рефлексивно-персонологического синтеза становления и развития их научного и художественного творчества. Эти модели и технологии могут использоваться в качестве концептуально-методологических средств проектирования и организации ценностей, стратегий, содержания, форм и методов проектирования и организации психолого-педагогических прецедентов обучения и воспитания на различных ступенях непрерывного личностно-ориентированного образования при его модернизации в целях формирования знаниевых компетенций, рефлексивно-творческого потенциала и других рефлексивно-психологических аспектов человеческого капитала, как целевых компонентов современного инновационного образования.

Литература

1. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр. 2007. – 176 с.
2. Проектно-исследовательский подход в рефлексивно-психологическом обеспечении образования. / Под ред. И.Н.Семенова, Т.Г.Болдиной. М.-Подольск. Аналитика родис. 2011- 402 с.
3. Семенов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.НИИОПП. 1990 – 160 с.
4. Семенов И.Н. Системно-методологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс психологии: критерии и признаки. (Методология, теория, история психологии). М. ИП РАН. 2009. С. 210-236.

Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № _12-01-0120.

Лефевр В.А. Что такое одушевленность? - М.: Когито-Центр, 2013. – 125 с.

В книге показано, что представление некоторых психологических процессов с помощью цепочки абстрактных тепловых машин позволяет моделировать большое число ментальных явлений. Такая связь кажется загадочной, поскольку в теле человека мы не находим каких-либо аналогов цепочек тепловых машин. В своей предыдущей книге "Космический субъект" (Когито-Центр, 2005) автор попытался, тем не менее, связать цепочки тепловых машин с реально существующими физическими объектами. В этой книге автор избрал принципиально иной путь.

Он подвергает ревизии само понятие существования, полагая, что идеальные физические объекты также могут иметь статус реально существующих.

Ментальная феноменология, по мысли автора, является проявлением существования таких идеальных объектов. Приведен анализ большого числа экспериментов и объясняется, как они связаны с цепочками идеальных тепловых машин. На этом пути выводятся основные психо-физические законы, а также набор натуральных музыкальных интервалов.

Книга предназначена для читателей, интересующихся философией, психологией и проблемами искусственного интеллекта.

Комментарий Г.Л.Смоляна, д.ф.н.

Сам автор так разъясняет свой замысел: *«Моя задача состоит в том, чтобы, во-первых, построить такую философию, в рамках которой в мире может существовать одушевленность, без привлечения Творца в картину мира. Эта философия будет строиться на основе онтологии Платона. Во-вторых, я сформулирую гипотезу о том, чем может быть одушевленность, и подвергну эту гипотезу эмпирической и экспериментальной проверке.»*

По моему мнению, эта книга подводит итог разнообразным экспериментально-псизхологическим исследованиям автора и придает их результатам единое теоретическое обоснование. В известном смысле она завершает многолетний анализ Лефевром внутреннего мира субъекта, можно сказать сооружение естественнонаучной платформы сознания. Эта платформа, разумеется, строится математическими средствами.

Американский физик-теоретик Э. Вигнер как-то заметил: «Вся глубина мысли, которая заложена в формулировку математических понятий, впоследствии раскрывается тем умением, с каким эти понятия используются». Лефевр всегда отличался виртуозным умением оперировать математическими понятиями и формализмами, начиная от рефлексивных многочленов до модели биполярного выбора. В этой книжке это умение продемонстрировано еще раз.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ
Том 11. январь-декабрь 2012. № 1-2

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com
Сдано в набор 20. 09. 13. Подписано в печать 5. 10. 13
Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 7. Тираж 250 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Белый ветер»